

О.Э. Мандельштам, А.И. Свирский,
И.В. Евдокимов, Д.Д. Благой
в Доме Герцена: 1922–1933

(Из комментариев к «Четвертой прозе» О.Э. Мандельштама:

- 1) «...некий Митька Благой»; 2) «...лицейская сволочь...»;
- 3) «... разрешенная большевиками для пользы науки...»;
- 4) «... сторожит в специальном музее...»;
- 5) «...веревку удавленника Сережи Есенина»)

Леонид Ф. Кацис

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, batya-94@mail.ru*

Аннотация. В работе предлагается принципиально новый подход к анализу «Четвертой прозы» О.Э. Мандельштама, основанный на введенных впервые в научный оборот документах и материалах, разъясняющих ряд малопонятных и не всегда совпадающих с исторической реальностью фактов. В частности, анализируется эпизод, связанный с «веревкой удавленника Сережи Есенина», который никоим образом не имеет отношения к «Лицейской сволочи Митьке Благому»; анализируется историческая реальность взаимоотношений О.Э. Мандельштама с кругом Сергея Есенина; показано, что «Митька Благой» является субститутом близкого Есенину И. Евдокимова, который многими узами связан с обстоятельствами личной и писательской жизни О.Э. Мандельштама. Автор показывает роль А. Свирского как в истории увековечения памяти Сергея Есенина, так и в ряде бытовых конфликтов с участием О.Э. Мандельштама, отразившихся в «Четвертой прозе».

Ключевые слова: О.Э. Мандельштам, С.А. Есенин, И.В. Евдокимов, Д. Благой, А. Свирский, «Четвертая проза», Дом Герцена

Для цитирования: Кацис Л.Ф. О.Э. Мандельштам, А.И. Свирский, И.В. Евдокимов, Д.Д. Благой в Доме Герцена: 1922–1933. (Из комментариев к «Четвертой прозе» О.Э. Мандельштама: 1) «...некий Митька Благой»; 2) «...лицейская сволочь...»; 3) «... разрешенная большевиками для пользы науки...»; 4) «... сторожит в специальном музее...»; 5) «...веревку удавленника Сережи Есенина») // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 6. С. 47–93. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-6-47-93

O.E. Mandelstam, A.I. Svirsky,
I.V. Evdokimov, D.D. Blagoy
at the Herzen House: 1922–1933

(From the comments

on the “Fourth Prose” by O.E. Mandelstam:

- 1) “...a certain Mitka the Good”; 2) “...the Lyceum bastard...”;
3) “...permitted by the Bolsheviks for the benefit of science...”;
4) “...is guarding in a special museum...”;
5) “...the rope of the strangled Seryozha Yesenin”)

Leonid F. Katsis

*Russian State University for the Humanities.
Moscow, Russia, Batya-94@mail.ru*

Abstract. The work offers a fundamentally new approach to the analysis of “Fourth Prose” by O. Mandelstam, based on documents and materials introduced for the first time in scientific circulation, explaining a number of obscure facts that do not always coincide with the historical reality. In particular, the author analyzes an episode connected with the “rope of the strangled Seryozha Yesenin”, which in no way relates to the “Lyceum bastard Mitka Blagoy”; he also analyzes the historical reality in the relationship of O.E. Mandelstam with a circle of Sergei Yesenin. It is shown that Mitka Blagoy is a substitute of I. Evdokimov, close to Yesenin, who is connected in many ways with the circumstances of O.E. Mandelstam’s life as a person or writer. The author shows the role of A. Svirsky both in the history of perpetuating the memory of Sergei Yesenin, and in a number of domestic conflicts involving O.E. Mandelstam, reflected in the “Fourth Prose”.

Keywords: O.E. Mandelstam, S.A. Yesenin, I.V. Evdokimov, D. Blagoy, A. Svirsky, “Fourth Prose”, the Herzen House

For citation: Katsis, L.F. (2019), O.E. Mandelstam, A.I. Svirsky, I.V. Evdokimov, D.D. Blagoy at the Herzen House: 1922–1933 (From the comments on “Fourth Prose” by O.E. Mandelstam: 1) “...a certain Mitka the Good”; 2) “...the Lyceum bastard...”; 3) “...permitted by the Bolsheviks for the benefit of science...”; 4) “...is guarding in a special museum...”; 5) “...the rope of the strangled Seryozha Yesenin”), *RSUH / RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 6, pp. 47-93, DOI: 10.28995/2686-7249-2019-6-47-93

Комментирование прозы Осипа Мандельштама с недавних пор стало очень трудным и неблагодарным занятием. Дело в том, что в самых так называемых авторитетных изданиях стали появляться

сведения, которые сами по себе требуют комментария, ибо любой специалист, обращающийся к последующим работам, исходит из самых последних данных наиболее представительных, как кажется на первый взгляд, изданий. С них и начнем.

К великому счастью, в позорной «Мандельштамовской энциклопедии»¹ [Шиндин 2018а, 2018b, 2018с, 2019; ср. в интервью О.А. Лекманова²] статей о произведениях поэта как поэтических, так и прозаических нет как нет, но есть статья «Благой Дмитрий Дмитриевич» с интересующей нас фразой:

С 1926 занимался организацией Лит. музея при Всерос. союзе писателей, а также комиссии по изучению творчества С.А. Есенина. После открытия музея в 1928 (на втором этаже «Дома Герцена») был его первым директором. *В музее располагался отдел памяти Есенина, где экспонировалась, в частности, веревка, на которой повесился поэт* (Курсив наш. – Л. К.) [Лекманов 2017а]³.

В статье того же автора «Есенин Сергей Александрович» приведены соответствующие строки и сведения о музее, однако без указания места хранения важнейшего экспоната [Лекманов 2017b с. 124]. Если статья о Благом лишена библиографии и не может датироваться по содержанию, то статья «Есенин» содержит указания на двухтомник Н.Я. Мандельштам 2014 г.⁴, хотя трудно понять, кому принадлежит эта освежающая ссылка, ведь по сведениям автора статей, он на заключительном этапе подготовки энциклопедии участия в работе не принимал⁵.

---

¹ *Кацис Л.* Осип Мандельштам в инвалидном лагере «Мандельштамовской энциклопедии» [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/cultura/2364505.html> (дата обращения 03 января 2019).

² *Лекманов О.* Жизнь с Мандельштамом. Олег Лекманов о фамиллярной критике, злой Надежде Яковлевне и невежестве Сталина // *ExLibris «Независимая газета»* [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2017-11-09/10_911_mandelshtam.html (дата обращения 13 октября 2019).

³ Те же сведения, однако, не содержатся в биографиях С.А. Есенина, О. Лекманова и М. Свердлова. Здесь же отметим, что в этих биографиях интересующий нас И.В. Евдокимов упоминается лишь однажды с дефиницией «литератор», а Мандельштам встречается лишь в случайных эпизодах. Не говорим уже об отсутствии там имени Благого вообще.

⁴ *Мандельштам Н.* Собр. соч.: В 2 т. Екатеринбург: ГОНЗО, 2014.

⁵ *Лекманов О.* Указ. соч.

Близкие сведения о веревке содержатся и в комментариях к ПСС Мандельштама А.Г. Меца, что неудивительно [Мец 2017, с. 614]. Он во всем на слово верит поэту⁶ с той лишь разницей, что дату организации музея он указывает как 1926, не пытаясь ее искусственно приблизить ко времени «Уленшпигелевского скандала» и дате написания «Четвертой прозы», как это сделано в «Мандельштамовской энциклопедии».

Как известно, «Мандельштамовская энциклопедия» за редчайшими исключениями публикуется в варианте 2008 г., но статья о Есенине по списку ее литературы не выходит за 2002 г. Поэтому необходимо проверить приводимые и О. Лекмановым и А. Мецем сведения изданиями последующих 10–15 лет.

И здесь нас сразу ожидают два важных сюрприза. С одной стороны, это «Летопись жизни и творчества С.А. Есенина» [Летопись 2018], а с другой – «Текстологический временник» (кн. 3) того же 2018 г. [Субботин 2018].

Из первого источника мы узнаем за соответствующей датой:

Январь, 20. 1926. Заведующий столом дознания 2-го отделения ленинградской милиции Вергей по делу «о самоубийстве посредством повешения гр. Есенина Сергея Александровича» дает заключение об отсутствии в деле состава преступления. <...>

До 3 февр. 1926 Д.И. Бродский передает в народный суд отношение об охране имущества Есенина. Дата события – на основании анонимного сообщения под заголовком «Дело о Сергее Есенине», в котором, в частности, говорится: «В прокуратуру Центрального района поступило производство по делу «О самоубийстве гр. Есенина, по профессии писателя». <...> Все документы прокуратура

---

⁶ Наш разбор истории с «веревкой» с 1926 г. вплоть до анекдотических аукционных происшествий наших дней, см: [Кацис 2018b, с. 323–333; Кацис 2018с, с. 135–138] существенно расходится с анализом Лекманова, Свердлова и Меца.

Трудно сказать, кто здесь на кого повлиял из-за проблем с библиографией у этих авторов, но в первом издании трехтомника О. Мандельштама под ред. А.Г. Меца мы находим дословно те же сведения, равно как и в различных изданиях биографии Мандельштама у Лекманова. Поэтому открывателем «веревки» придется признать комментатора ПСС, не давшего ссылок на источник информации. Ср. [Мец 2010, с. 696]. Правда, и О. Лекманов в статье о Благом не дал на «первооткрывателя» ссылку из-за отсутствия библиографии к статье «Д.Д. Благой» [Лекманов 2017а] вообще, а ведь она могла бы стать пусть и беспомощным, но оправданием сенсационного сообщения, принадлежащего, как выясняется, перу предшественника.

предполагает направить в организуемый в Москве музей им. скончавшегося поэта.

«Новая веч. газ.». Л., 1926. 3 февр. № 30.

См. также газеты: «Веч. Москва» (1926. 4 февр. № 28); «Веч. радио» (Харьков. 1926. 8 февр. № 30).

Намерение прокуратуры вскоре будет реализовано – материалы дознания о смерти Есенина будут отправлены в Москву на имя Д.Д. Благого «16 февр. 1926 (см. сопроводительное письмо помощника ленинградского губернского прокурора М.К. Вальяно: ГЛМ, ф. 4, оп. 1, ед. хр. 260)» [Летопись 2018, с. 90].

Понятно, что никаких сведений о передаче вещественных доказательств, а «веревка удавленника» относится именно к ним, здесь нет и быть не может.

Казалось бы, можно поставить точку. Фраза О.Э. Мандельштама, простодушно решаем мы, метафорически отражает указанный факт, о котором поэт мог легко узнать просто из газет.

Однако такому простодушию мешает поистине сенсационная публикация в «Текстологическом временнике» материалов участника всех событий, связанных с увековечением памяти Сергея Есенина, прозаика и редактора Ивана Евдокимова, который (под очень «неудобной» для «видевших веревку» и/или уверенных в своем доверии художественному тексту «Четвертой прозы» комментаторах и биографах Мандельштама и даже Есенина, как проф. Лекманов) написал в шуточном тексте «Литературный словарь», датированном 5 окт. 1927, среди прочего:

Д. Благой – хранитель дырявой головы тов. Свирского [Субботин 2018, с. 477].

Никаких мандельштамоведческих комментариев здесь нет, только указываются даты жизни А.И. Свирского и говорится:

Здесь – намек на должность литературоведа Дмитрия Дмитриевича Благого (1893–1984), бывшего тогда заведующим Музеем Есенина при Всероссийском союзе писателей (ВСП). А.И. Свирский входил в писательский Комитет по увековечению памяти поэта [Субботин 2018, с. 483].

Таким образом, в отличие от «Мандельштамовской энциклопедии», видный есениновед считает, что музей тогда уже был.

Итак, фраза Мандельштама обрела неожиданный и очень острый подтекст. Ведь А.И. Свирский (1865–1942), имел прямое отношение и к О.Э. Мандельштаму, и к Благому, и к Комитету памяти Есенина.

Прекрасным подарком для нашего исследования явилась упомянутая «Летопись жизни и творчества Есенина», и даже не столько весь громадный и очень интересный том о последних днях жизни поэта, сколько специальный раздел в нем: «Инициативы и мероприятия по увековечению памяти поэта», которым мы и воспользуемся для начала. Нас будут интересовать пересечения «Благой–музей–Свирский», где, однако, имени Мандельштама, за исключением малоинтересной вторичной цитаты, нет. При этом, помня о фразе И. Евдокимова о Благом, мы усложним наш поиск до «Благой–музей–Свирский–Евдокимов». И эти пересечения бессмысленными не окажутся.

Попробуем построить хронологию взаимных контактов, используя не только названные выше источники, но и «Летопись жизни и творчества» О.Э. Мандельштама, которую в данном контексте никто из авторов указанных нами книг в расчет не включал.

Проследим эти события, помня об уже названной посылке Д.Д. Благому материалов дознания о самоубийстве Сергея Есенина.

Первым на исторической сцене появляется А.И. Свирский:

30 декабря 1925. Свирский назначен в Президиум похоронной комиссии [Летопись 2018, с. 73].

Январь, 7. 1926. В Доме Герцена проходит вечер памяти Есенина, организованный объединением «Литературное звено» (восп. и докл. О Есенине Свирского и др.) [Летопись 2018, с. 360].

Март 7. 1926. Комитет по увековечению памяти и изучению творчества Сергея Есенина рассматривает вопрос «О злоупотреблении именем Есенина и недостойной спекуляции вокруг его имени» и дает поручение председателю Комитета А.И. Свирскому: «Обратиться в Главрепертком (Минпроса) с просьбой согласовывать с Комитетом вопрос о допущении к постановке могущих появиться пьес, связанных с именем Есенина».

7 марта 1926 г. Есенинский комитет намечает мероприятия по открытию приюта для беспризорных.

Из протокола:

П. 3. Предложение А.И. Свирского о присвоении имени С.А. Есенина приюту для беспризорных, имеющему быть созданным на средства, полученные от выпуска Союзом писателей однодневной газеты в пользу беспризорных.

Сведения о других мероприятиях комитета в этом направлении не выявлены.

Нетрудно видеть, что положение Свирского здесь центральное.

Однако на том же заседании возникает вопрос о музее, и тут мы сразу же встречаем Д.Д. Благого (и это п. 2 наших комментариев,

объявленный в заглавии статьи) с докладом о сложившейся ситуации:

– открытие музея Есенина

Из плана «Открытие при Доме Герцена музейной экспозиции «Уголок Есенина»» и т. п.

Из сообщения Д.Д. Благого, будущего первого директора музея, о планах его создания в Доме Герцена: «Особое место в музее займут материалы по истории жизни и творчества поэта Сергея Есенина, которые сейчас сосредотачиваются при союзе писателей и только что образовавшейся комиссии по изучению творчества Сергея Есенина» [Летопись 2018, с. 472–473].

Далее упоминается о планах открытия библиотеки им. Есенина, но сведений о ней не выявлено.

Как видим, и здесь все пока идет своим чередом. Однако очень скоро будет иметь место смешная, в сущности, но очень болезненная для поклонников погибшего поэта история, в которой примут участие и Свирский, и Благой, и интересующий нас теперь Евдокимов:

5–6 июня. Поездка в Константиново делегации из Москвы. Д.Д. Благой. В дар селу передается библиотека. В числе прочего вклад А.И. Свирского [Летопись 2018, с. 479].

Кроме того:

ВСП предусмотрел особый подарок родине Сергея Есенина. 7 мая 1926 г. правление ВСП рассмотрело и утвердило предложение гражданки Афанасьевой-Осиповой «об устройстве знамени ВСП как дар шефства деревне Есенина». <...> Изготовление знамени профинансировано Есенинским комитетом (поручение Е.А. Есениной, С.А. Толстой-Есениной и И.Е. Евдокимову). Знамя василькового цвета, в соответствии с любимым цветом Есенина, с надписью золотом «Всероссийский Союз Писателей родному селу Есенина» – было изготовлено по предложению В.Л. Львова-Рогачевского художником Б.Б. Титовым. Однако по решению ВСП, усмотревшему в голубом «литературном» знамени непонятный для общества символ, вручения этого знамени на сходе, как было объявлено заранее в газетах «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (1926, 1 июня, №124), не произошло. Позднее А.И. Свирский и И.В. Евдокимов организуют изготовление другого варианта знамени – красного цвета (ГЛМ, ф. 4, оп. 1. ед. хр. 294, л. 6–7). Оно будет доставлено в Константиново, по всей вероятности, в один из очередных приездов Е.А. Есениной и В.Ф. Наседкина в Константиново [Летопись 2018, с. 480].

На заседании по итогам этой поездки звучит и сообщение Белого [Летопись 2018, с. 480].

Уже для биографии О.Э. Мандельштама и его знаковых контактов с современниками самого разного толка небезынтересно, что до 1930 г. при ВСП работала шефская комиссия над с. Константиновым, куда входили А. Саргиджан⁷ и П. Павленко⁸, с одной стороны, и секретарь Андрея Белого П. Зайцев⁹ – с другой.

Была здесь и еще одна похоронно-мемориальная деталь, связанная с Евдокимовым и Свирским:

Постановление об установке надгробного памятника на могиле Есенина принимается учредительным заседанием (собранием) Комитета по инициативе А.И. Свирского [Летопись 2018, с. 474].

Вопрос о памятнике стоит на повестке дня заседания Есенинской комиссии 7 марта (поручение А.И. Свирскому организовать подписку на памятник) (ГЛМ, ф. 4, оп. 1, ед. хр. 294. Л. 1) [Летопись 2018, с. 475].

За могилой постоянно осуществлялся уход. Комитет периодически выделяет на это определенные суммы. Многие поручения выполняли сестры поэта, прежде всего Е.А. Есенина... Летом 1926 г. благодаря И.В. Евдокимову установлена временная ограда, взятая напрокат. 8 окт. 1926 г. Есенинский комитет выделяет деньги на приобретение и установку стационарной ограды [Летопись 2018, с. 475].

К имени И. Евдокимова в связи с историей со знаменем и оградой, хотя главное – и в дневнике, и в нашей истории подготовка важнейшего посмертного тома собрания сочинений С.А. Есенина, естественно, даются сведения о нем:

В 1911 г. Евдокимов поступает на историко-филологическое отделение Санкт-Петербургского университета и с жадностью впитывает многочисленные впечатления от культурной жизни российской столицы. Он стремится стать не только ее зрителем, но и участником. <...> Размышляя над статьями акмеистов Н. Гумилева и С. Городец-

---

⁷ Драка с ним из-за долгов и оскорбления Н.Я. Мандельштам стала причиной товарищеского суда и «пощечины» А.Н. Толстому.

⁸ П. Павленко, как известно, оставил нам «рецензию» на «Оду» Сталину, способствовавшую последнему аресту Мандельштама. Новейшую дискуссию об этом с не очень убедительной попыткой оправдания Павленко см.: [Мец 2020, с. 341–448].

⁹ П. Зайцев не только встречался с Мандельштамом, но и пытался организовывать вечера памяти Андрея Белого, где планировалось чтение стихов Мандельштама [Спивак 2008].

кого о поэзии (Аполлон. 1913. № 1), Евдокимов записывает свое мнение об акмеизме (но без упоминания ОМ. – Л. К.).

Приходится лишь сожалеть, что петербургские дневники Евдокимова, содержащие немало подробностей о литературных и культурных событиях столичной жизни тех лет, до сих пор (за одним небольшим исключением) не введены в научный оборот [Субботин 2018, с. 449]¹⁰.

Между тем, как раз интересующие нас сведения о контактах О. Мандельштама и И. Евдокимова, неважно, глубоких или нет, давно опубликованы как раз в «Летописи...» О. Мандельштама [Летопись 2014]. Вот они:

1913 ноябрь 16. На вечеринке вологодского землячества «были футуристы: Игорь Северянин, Маяковский и еще кто-то; из приличной публики читали стихи О. Мандельштам и Георгий Иванов» (Дневник И. Евдокимова, запись 18 ноября. РГАЛИ. Ф. 1246. Оп. 3. Ед. хр. 119. Л. 45) [Летопись 2014, с. 67].

И здесь же [Летопись 2014, с. 69–72] упоминания вечеров ОМ и его публикаций, включая:

Декабря 7. [О. М.] Присутствовал на лекции В. Пяста «Поэзия вне групп» в Тенишевском зале: Из дневника И. Евдокимова: «Самыми крупными, свежими из молодых <Пяст> назвал А. Ахматову, О. Мандельштама и Игоря Северянина. <...> Но мне положительным кощунством казались чрезмерные хвалы О. Мандельштаму. Пяст упорно противопоставлял А. Блоку Мандельштама и было видно, что Пяст считает Мандельштама поэтом гораздо большим, чем А. Блок. О. Мандельштам юркий жидок¹¹, с откинутой назад головой... но все же талантлив, талантлив несомненно...» РГАЛИ. Ф. 1246. Оп. 3. Ед. хр. 119. Л. 74–76) [Летопись 2014, с. 71–72].

14 апреля 1917 И. Евдокимов встречает О. М. в университете (Дневник Евдокимова, запись 17 апр. РГАЛИ. Ф. 1246. Оп. 3. Ед. хр. 119. Л. 207) [Летопись 2014, с. 82].

---

¹⁰ Стоит отметить, что некоторые страницы дневника И.В. Евдокимова печатались и в специальной статье о писателе [Куликов, Авдеева 1997], и в «Биографической летописи А.А. Ахматовой» В. Черныха (не приводим ссылки на различные издания, см. по указателю) и т. д.

¹¹ Отметим поразительное сходство этой записи с высказываниями о Мандельштаме-еврее А.А. Блока и З.Н. Гиппиус, что, возможно, имеет и прямое происхождение от знакомого Блока – В. Пяста.

Нельзя и пройти мимо давней, но очень важной публикации отрывков из неоконченного мемуарного романа Ларисы Рейснер «Рудин», посвященного, в частности, и журналу «Рудин», о котором публикаторы писали:

... Рейснеры стремились привлечь в свой журнал литературную молодежь. Основными его сотрудниками стали студенты – члены университетского «Кружка поэтов», в который входила сама Рейснер. Среди них были О.Э. Мандельштам, Вс.А. Рождественский, И.В. Евдокимов; был привлечен живший тогда в Москве Л.В. Никулин¹².

Там же сообщается, что О.Э. Мандельштам опубликовал в «Рудине» два стихотворения в № 7 и 8 за 1916 г., а И.В. Евдокимов, начав печататься еще в 1915 г., тоже два стихотворения в № 2 и, скажем от себя, рядом с Мандельштамом, в № 7¹³.

Это все неплохой комментарий к словам И.В. Евдокимова из его Дневника типа «видел Мандельштама в Университете».

Само по себе – это немного, а может быть, и не так уж мало, но в контексте неожиданного совпадения не до конца понятной до сего дня фразы Мандельштама из «Четвертой прозы» и гарантированной шутки (ведь А.И. Свирский дожил до 1942 г. со своей и не «прострелянной» головой, хоть и «хранил» ее в Музее, понятно – Есенина – Д.Д. Благой) Ивана Евдокимова, заставляет считать, что составитель сборников памяти Есенина и его посмертного тома Собрания сочинений были не совсем чужды друг другу.

В любом случае, нахождение источника мандельштамовской шутки теперь навсегда поместит Евдокимова в комментарии к «Четвертой прозе», и не только.

Ранее мы уже отметили, что сам образ «хранения веревки удавленника» имеет глубокие корни в смысловой структуре «Четвертой прозы», а анекдотическая история «реальной» веревки вне всякой связи с Есенинским музеем Д.Д. Благого с успехом тянется вплоть до наших дней.

Между тем, само событие – самоубийство Есенина – не было для Мандельштама безразличным, совсем наоборот.

¹² Рейснер Л. Автобиографический роман / Вст. ст. и публ. А.И. Наумовой и Г.А. Пржиборовской. Характеристика источников публикации сост. Т.Г. Динесман; Примеч. Н.А. Такташевой // Литературное наследство. Т. 93. М.: Наука, 1983. С. 192 [Электронный ресурс]. URL: http://old.old.imli.ru/litnasledstvo/Том%2093/LN93-4_Рейснер.pdf

¹³ Там же. С. 198.

Вот воспоминания современника о разговоре на эту тему с Б. Пастернаком:

«Он (Есенин) так сам ко мне относился, что я не мог строить к нему отношений, не основываясь на этом», – сказал он в раздумье, вспоминая, вероятно, свои недавние столкновения с Есениным. «Вот и Мандельштам тоже. И тем не менее смерть его [Есенина. – Т. Н.] поразила меня, наступило какое-то оцепенение, точно петля у тебя самого на шее. Мандельштам вчера заходил ко мне проездом в Ленинград. У него тоже чувство, как у Тихонова в этих вырезках»¹⁴.

Публикатор Т. Нешумова приводит в пояснение запись П. Лукницкого:

Тихонов рассказывал, как после первого известия он в буквальном смысле слова впотел, как не мог успокоиться до вечера, как не спал всю ночь, почти галлюцинируя¹⁵.

Эта запись заставляет воспринимать полшутливую фразу Мандельштама, да еще имеющую и подтекст, связанный с деятельностью Д.Д. Благого по увековечению памяти Есенина, более чем серьезно.

Теперь остается сделать последний шаг для установления смысла помещения фразы о «Митьке Благом» в сюжетную структуру «Четвертой прозы».

Этот кажущийся изолированным отрывок находится между фразой: «И я бы вышел на вокзал в Эривани с зимней шубой в одной руке и со стариковской палкой – моим еврейским посохом – в другой» (с учетом того, что Армения – двоюродная сестра земли Иудейской – станет реальностью биографической и творческой далеко не в момент истории с «Уленшпигелем»), и фразой «К числу убийц русских поэтов или кандидатов в эти убийцы прибавилось тусклое имя Горнфельда», в эпизоде, завершающемся фразой: «Дяденька Горнфельд... ты бы лучше поплакал господину Пропперу в чистый еврейский литературный жилет. Ты бы лучше поведал свое горе банкиру с ишиасом, кугелем и талесом»¹⁶.

---

¹⁴ *Горниц Л.* «Свидетель терпеливый...»: Дневники, мемуары / Сост. Т. Нешумова. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019. С. 207.

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Мандельштам О.* Полное собрание сочинений и писем в 3-х т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 2: Проза. СПб.: Гиперион, 2017. С. 300. Подробный разбор этого предельно еврейского эпизода см. в: [Кацис 2002].

За этим следует главка о вполне русском спасителе Н.И. Бухарине и, наконец, уже за этим следует знаменитая главка о том, что Мандельштам лютой ненавистью ненавидит мужчин из того племени, к которому он не хочет и никогда не будет принадлежать. Ибо:

Я настаиваю на том, что писательство в том виде, как оно сложилось в Европе и в особенности в России, несовместимо с почетным званием иудея, которым я горжусь. Моя кровь, отягощенная наследством овцеводов, патриархов и царей, бунтует против вороватой цыганщины писательского племени. Еще ребенком меня похитил скрипучий табор немых романес и сколько-то лет проваландал по своим похабным маршрутам, тщетно силясь меня обучить своему единственному ремеслу, единственному искусству – краже.

Писательство – это раса с противным запахом кожи и самыми грязными способами приготовления пищи. Это раса, кочующая и ночующая на своей блевотине, изгнанная из городов, преследуемая в деревнях, но везде и всюду близкая к власти, которая ей отводит место в желтых кварталах, как проституткам. Ибо литература везде и всюду выполняет одно назначение: расправу над обреченными¹⁷.

Странное чередование кажущихся некоторым даже еврейско-самоненавистнических строк Мандельштама и прославления стихов Есенина «Не расстреливал несчастных по темницам...» не находило до сих пор объяснения, особенно у авторов, самолично видевших «веревку удушенника» в музее Благого.

Теперь, когда мы избавлены и от веры поэту на слово, тем более – на слово художественное, относительно «веревки», и от необходимости передвигать дату открытия музея поближе к моменту гипотетического написания «Четвертой прозы», мы можем обратиться к все тем же записям Ивана Евдокимова, которые представят нам реальный контекст разговоров на интересующую нас тему в 1925–1927 гг.

Отрывки из записей Евдокимова, на наш взгляд, комментариев не требуют:

1924. 17 ноября.

В Госиздате опять склока Шми<д>та окончательно ушли. На место Шми<д>та назначен враг его, зав<едающий> Питерским ГИЗ'ом Ионов. Эта сумбурная в личной жизни фигура, но фанатично любящий книгу. Влияние он имеет большое и по родственным отношениям – на его сестре женат Зиновьев, и по партийному стажу –

¹⁷ Мандельштам О. Полное собр. соч. Т. 2. С. 301.

«у меня несколько лет каторги за плечами». Но он еврей и сохранил до настоящего времени свой национальный предрассудок – в Ленинграде его сплошь окружают евреи. Евреев достаточно у нас, но теперь их еще больше будет. Скверное это место у коммунистической партии – все коммунисты-евреи не пережили в себе зоологических пристрастий. Ведь невольно же приходится делать эти выводы – как только завед<дующий> является евреем, непременно его окружает 99% евреев. Мы, русские, допускаемся какой-то процентной нормой. Попробуй сказать это неопровержимое наблюдение, тебя обвинят в антисемитизме. Ионов перевернет Госиздат вверх ногами. Работа при нем безусловно пойдет лучше, потому что тому пример Ленингиз: они работают нас лучше [Субботин 2018, с. 453].

И ниже:

25 апреля 1925 г. Для моей литературной работы имеет значение раскол, который произошел в МАПП и ВАПП. Громадным большинством голосов группа «Октябрь» (МАПП) отозвала Родова со всех ответственных постов, предложив ему место рядового члена. Склока шла две недели, наконец Родова, этого политикана, наглеца, самовластно, как пешек, переставляющего мапповцев, уложили на обе лопатки. Он прыгает, как лимон созревший. Но вот сила дружбы – Лелевич, Безыменский, Либединский после голосования подали заявление о выходе из группы «Октябрь» и об образовании группы «На Посту». Какое имеет на них влияние это ничтожество! И любопытно отметить – прямо по национальной делянке в МАППе с Родовым оказались только евреи. Нет, каково, они пошли на разрыв с ими же созданной организацией, ослабили свое положение, но не выслали скверного, ничтожного, сволочного, вредного для дела типа!...» [Субботин 2018, с. 454–455].

Следующие записи развивают предыдущую:

27 октября 1925 г.

Я обещал быть внутренне благодарным «Октябрю», но в конце концов публика там оказалась чистейшего жульничества. Там лавочка. Родов, Лелевич, Зонин, Либединский, Безыменский, Авербах. И эта публика вообразила, что все остальное подстилка. Скверно вели себя со мной по секретарству, болтали о каком-то пломбировании мною зубов их врагов, спекулировали на мне, воображая, что я им в порядке какого-то подделывания, выписываю скорее всех деньги в Госиздате и т. д. Словом, лавочка, взгляд на человека чисто практический – использование его вовсю. Циничные отношения, в которых нет ничего, кроме нахальства. Чисто еврейское национальное у них нахальство. А главное, и самое существенное – «Октябрь» никто не

читает. И как бы не было трудно материально, я не должен разбрасываться» [Субботин 2018, с. 456]

31 декабря 1925 г.

Во вторник пришел в Госиздат – и вдруг в комнату врывается одна взбалмошная невзрастеничка еврейка Каганович:

– Правда ли, повесился Есенин? [Субботин 2018, с. 457].

2 января 1926 г. ...Чувствуется бесчестная обстановка в напостовщине, при полной серьезности увлечения некоторых напостовством. Но Россия так бедна культурными учреждениями, что каждый лишний журнал в стране является уже культурным делом. И в этом смысле «Октябрь» надо поддерживать, чтобы он не умер. Если журнал прекратится, то это будет уже большой потерей. Но журнал надо вырвать из рук Либединских и Авербахов. Этот маленький еврейчик Авербах особенно противен – ничтожество. Полное самомнения, полное апломба, язык до пупа, и он качает этим языком, как щука хвостом, и бьет себя по брюху. И смешно, и противно глядеть на этого маленького человечка, пытающегося говорить баском, во всем уверенного, во всем преуспевающего. Тошнотворное верхоглядство и издевательство над литературой. А сотни людей хлопают ушами, как рукавицами. Либединский полон обиды на русскую литературу. Тоже сумел кой-кому вьестись в душу. Считают его блаженненьким, а это существо маленькое, хитрое, унаследовавшее от еврейства самые дурные черты самомнения и изрекания. Ничего от них в литературе не останется, а пока они все же портят воздух [Субботин 2018, с. 459].

Есть в записях И. Евдокимова и еще несколько близких рассуждений. Однако мы приведем здесь только одно, наиболее для нас интересное:

Илья Сельвинский. Улялаевщина.

Человека этого уже превознесла наша критика: Лежнев, Лелевич, Полонский. Воронский издал поэму в «Круге». Но ведь все это мода, не более – и мода дурная. Во всех этих «умственных» стихах нет никакой эмоциональности, души, «психологии». Умный, острый человек накрутил ни на кого не похожую стихозу, – и прославился <...> (пропуск в публикации. – Л. К.) Право же, это футуристическое эпигонство – и только! Выкинуть фортель мог и Крученых. Тоже бессмертные! Тоже человек не глупый! И. Сельвинский – еврей, т. е. человек, у которого нет бытовых, языковых и культурных связей с нами, они ему чужды. И вот этот интернационализм Сельвинского делает его холодным, рассудочным, умным, но лишенным духовности, внутреннего жара, волнения. Он ловкий ремесленник. Таков ведь и Бабель. Таков и А. Соболев. Они чужды преемственно нашей литературе.

Это литературные ловкачи, это – техническое производство – не более. Оно меня раздражает. За ним огромная внутренняя опустошенность. Эренбург Илья такой же. У нас с евреями, несмотря на долгое житье вместе, на общую рев<олюционную> работу, нет внутреннего сродства» [Субботин 2018, с. 477].

Эти рассуждения о чуждости писателей-евреев русской литературе предшествуют рассуждениям о РАППе и довольно сложному рассуждению о С. Клычкове, к которому мы чуть ниже обратимся.

Между ними находятся пристрастные записки о юбилее Горького, содержащие раздраженно-ненавистные рассуждения о мемуарах А.И. Свирского о Горьком. Тут уже пора напомнить, что и А. Свирский был вполне еврейского происхождения, описывавший это, включая крещение и последующие неприятности от новых единоверцев, в знаменитой «Истории моей жизни», вышедшей впервые в 1935 г.

Однако, прежде чем перейти к отрывку записей Евдокимова о С. Клычкове, человеке знаковом для автора «Четвертой прозы» и всего есенинского контекста т. н. «русского голоса» Мандельштама, стоит вспомнить знаменитую сцену как раз на интересующую нас тему русско-еврейских отношений поэтов принципиально различного происхождения, в которой автор «Князя мира» говорит с О.Э. Мандельштамом абсолютно на те же темы, которые Евдокимов обсуждал в своих записях, Мандельштама по какой-то причине пропустив.

Приведем сводку интересующих нас сведений по «Мандельштамовской энциклопедии» из статьи независимого французского исследователя [Никё 2017, с. 290–291]¹⁸:

С переезда О. М. в Москву в нач. 1931 г. возобновляется общение с К., переходящее в настоящую дружбу. <...> В 1963 В.Н. Горбачева (жена К. с октября 1930) вспоминала: «Меня радовала дружба Сергея Антоновича с Осипом Мандельштамом. Оба вспыльчивые, горячие, они за 8 лет ни разу ни поссорились. Беседы их были изумительны. Высокий строй души, чистота, поэтическая настроенность объединили их». Со своей стороны, Н. М. пишет: «Сергей Клычков долгие годы был нашим соседом и по Дому Герцена, и на Фурмановом переулке, и мы всегда дружили с ним». В нач. июля 1932 г. в квартире К. произошла встреча четырех поэтов: О. М., П. Васильева, С. Липкина, Н. Клюева.

---

¹⁸ Полностью принимаем при этом зубодробительную критику цитируемого сочинения в статье [Шиндин 2019с], но для наших целей и имеющегося у Никё достаточно.

Отметив по поводу стихов Липкина, что «еврей [т. е. неправославный]¹⁹ не может быть русским поэтом», К. сделал оговорку для О. М.: «Мандельштам – исключение, люблю Осипа крепко, цену его не то, что Пастернака, тот – спичечный коробок без спичек».

В этом густом русско-еврейском контексте приобретает свое значение и место, с одной стороны, эпиграмма Мандельштама примерно этого времени:

Павлу Васильеву

Мякнул конь и кот заржал –
Казак еврея подражал.
<1933?>

А с другой стороны принципиально, что слова Клычкова о Пастернаке поразительно совпадают по тону и смыслу со словами о нем же И. Евдокимова:

Я люблюсь Б. Пастернаком, как новыми своими калошами. Они занимают меня дня два. Б. Пастернак – половину [Субботин 2018, с. 473].

Таким образом, наше предположение о возможности сопоставления текстов записей И. Евдокимова и «Четвертой прозы» О. Мандельштама обретает лишнее доказательство. Не говоря уже о том, что, как и Евдокимов, который лишь бывал на вечерах акмеистов или встречал Мандельштама в коридоре Питерского университета, однако печатался с Мандельштамом в «Рудине», Клычков просто участвовал в 1912 г. в «Литературном альманахе издательства “Аполлон”», в котором рядом публиковались стихи двух поэтов.

Вообще говоря, возникает даже ощущение некоторой вторичности записей И. Евдокимова по отношению к тому, что запомнилось мемуаристам из разговоров Клычкова и Мандельштама. Однако все клычковские высказывания, по крайней мере дошедшие до нас, относятся к более поздним временам, чем записи Евдокимова. Поэтому в контексте обсуждения «Четвертой прозы» важнее оказываются записи Евдокимова, а из более поздних воспоминаний о неупомянутом в известных нам записях о Мандельштаме мы получаем подтверждение их аутентичности. Это важно

---

¹⁹ Стоит отметить, что это собственное умозаключение С.И. Липкина нам уместным не представляется. Поруккой этому хотя бы приведенные здесь записи И.В. Евдокимова или эпиграмма Мандельштама на Павла Васильева.

для оценки возможной связи «шуток» Евдокимова (1927) и Мандельштама (1930?) о Д.Д. Благом.

И еще один вывод напрашивается здесь: беседы подобного рода велись все 1920-е и первую половину 1930-х гг.

А вот теперь наиболее содержательная и знаменитая запись Б. Кузина на интересующую нас тему:

Однажды в каком-то споре с Мандельштамом он [Клычков] сказал ему: – А все-таки, О. Э., мозги у вас еврейские. На это Мандельштам немедленно отпарировал: – Ну что ж, возможно. А стихи у меня русские. – Это верно. Вот это верно! – с полной искренностью признал Клычков²⁰.

И здесь снова речь ни о каком православии, обязательном для еврея, чтобы быть русским поэтом, не идет.

На этом фоне совершенно новый оборот принимает история т. н. «русского голоса» Мандельштама, которую исследовал О. Ронен. Его чисто структуралистские или интертекстуальные сопоставления теперь, похоже, могут быть введены и в историю литературы.

Покойный американский исследователь указывал:

После первого ареста Мандельштама пришло время, когда он стал учиться у крестьянских поэтов уже не стойкой непримиримости, а пафосу отречения. Прибегая к традиции пушкинских «Стансов», он избрал себе в качестве прямого образца не основную ее линию, к которой принадлежали, например, известные стихи Вяч. Иванова и «Столетье с лишним, не вчера» Пастернака, а «Стансы» Есенина.

Речь идет не только о замене 4-стопного пушкинского ямба есенинской смесью 5-стопных с 6-стопными, но и о характерных оборотах речи и ключевых словах: Я слышу в Арктике машин советских стук // Я помню все: немецких братьев шеи... Ср. у Есенина: Я полон дум об индустриальной мощи // Я слышу голос человеческих сил. // И, самого себя по шее глядя, // Я говорю... Так, помня все: и немецких братьев шеи, и шею Есенина в петле, – Мандельштам поверил свой голос вернейшей из струн, выражавших чувства русского революционного крестьянства. Но и находя оправдание своему шагу в том, что Есенин тоже написал «Стансы», Мандельштам все-таки зашифровал в час своего смиренного отречения воспоминание об упрямом Галилее: Звучит земля – последнее оружие... [Ронен 2002, с. 66–67].

---

²⁰ Кузин Б. Воспоминания. Произведения. Переписка. Мандельштам Н. 192 письма к Б.С. Кузину. СПб.: ИНАПРЕСС, 1999. С. 174.

Такой поздний Мандельштам с его отголосками «шеи Есенина в петле» не так уж случаен, ведь, по словам Н.Я. Мандельштама, та «Четвертая проза», которая реально дошла до нас, впервые была записана в Воронеже, т. е. после первого ареста Мандельштама, что и заставляет задуматься о том, как датировать самую злую его прозу. Пока же стоит вернуться просто к этому тексту.

Проведенные сопоставления, основанные на никогда ранее не использовавшихся для анализа «Четвертой прозы» материалах, позволяют научно обоснованно поставить вопрос о том, какую же позицию занимал О.Э. Мандельштам как по отношению к своему еврейству, так и по отношению к тем самым поэтам и писателям-евреям, не говоря уже о РАППовских критиках того же происхождения (впрочем, исключая Л. Авербаха).

На фоне сказанного становится ясно, что Мандельштам, считавший себя потомком библейских патриархов и царей, не был готов стать в один ряд с ненавидимой русскими и тем более крестьянскими поэтами и писателями деляческой писательской прослойки еврейского происхождения, больше напоминающей, при всей неполиткорректности этой оценки, цыган. Его гордое еврейство с его «еврейскими мозгами» и его «русские стихи» становились в один ряд с теми демонстративно русскими поэтами и писателями, которые вместе с ним разделили «тяжкий жребий русского поэта».

Не так уж важно, что и многие писатели с запахом «козлиных шкур» сгнули в соседних лагерях, убиты в тех же расстрельных комнатах, похоронены в тех же ямах. Да и далеко не все они были «дельцами». Судьба поэта и судьба человека – вещи разные. Поэтому не стоит искать примитивный антисемитизм у крестьянских поэтов, не говоря уже о том чтобы обвинять Мандельштама в еврейской самоненависти.

Перед нами куда более сложный процесс.

Просто у поэтов такого класса и кровь, и стихи журчат иначе, чем у обычных творцов, их критиков и даже подавляющего большинства читателей. Это же касается национальных притяжений и отталкиваний. Поэтому-то достаточно было получить всего лишь один промежуточный текст, содержащий записи, явно И. Евдокимовым для публикации не предназначавшиеся, тем более синхронные событиям, чтобы замечательно яркие мемуары Б. Кузина обрели не только очень конкретный смысл, но и оказались продолжением давнего разговора минимум пятилетней глубины. В свою очередь случайная, казалось бы, фраза И. Евдокимова про Д.Д. Благого и его заботы по сохранению совершенно другого, нежели чем в «Четвертой прозе» экспоната для того же музея Сергея Есенина, оказалась вполне уместным подтекстом одной из самых загадочных фраз Мандельштама. Наконец, давние работы

О. Ронена, которые, казалось бы, носят чисто типологический характер, оказались теперь встроены в гармоничную картину взаимоотношений Мандельштама и крестьянских поэтов (частью имажинистов), которая уходит своей исторической глубиной еще в «Аполлоновские» времена.

После этого уже, будем надеяться, никто и никогда не будет утверждать, что видел «веревку удушенника Сережки Есенина» в музее Д.Д. Благого. И решающим шагом здесь оказалась замечательно остроумная запись И. Евдокимова, которую, полагаем, мандельштамоведение не отвергнет, как отвергли когда-то строители краеугольный камень. Чем это закончилось, мы помним.

II

О. Мандельштам. И. Евдокимов. Д. Благой.

«...лицейская сволочь ...сторожит в специальном музее...»

Казалось бы, на сказанном только что можно поставить точку. Однако сделать это не дает, и не в последний раз на этих страницах, еще один важный документ, принадлежащий перу О.Э. Мандельштама, который объединяет все наши персонажи и даже во многом предсказывает, и разговоры вокруг смерти Сергея Есенина и его т. н. «веревки», и, главное, основную сюжетную линию «Четвертой прозы», связанную с отказом принадлежать к позорному писательскому племени.

Это заявление поэта «В правление Всероссийского союза писателей», Гаспра, 23 августа 1923 г. По поводу конфликта с руководителем или «комендантом» Дома Герцена Свирским.

Нас в данном случае интересует не весь абсолютно бытовой конфликт, а буквально несколько абзацев письма Мандельштама:

Гр. Свирский, и это не может не быть известно Правлению, не пригоден не только как доверенное лицо Союза, но не годится по своей бестактности и малокультурности даже как простой ответственный съемщик квартиры.

К величайшему прискорбью моему, я явился единственным человеком в общежитии, пожелавшим во всей полноте, соответствующей назначению дома, осуществленья тишины и порядка (гр. Потепенко счастливо изолирован и по преклонному возрасту безучастен, гр. Клычков систематически отсутствует, гр. Ширяевец и Шепеленко горько жалуются, но не решаются протестовать, гр. Благой предпочитает, чтобы тишину водворял я, поскольку не шумит его жена²¹.

²¹ Мандельштам О. В правление Всероссийского союза писателей. Гаспра. 23 августа 1923 г. (Мандельштам 2017, 3. С. 500).

Как и всегда, к высказываниям О.Э. Мандельштама стоит относиться с легким недоверием. В данном случае мы имеем в виду выделение Потапенко из списка скандалистов. Между тем предельно лояльный Мандельштаму мемуарист пишет, вспоминая как раз конец июня 1923 г.:

Я простился с Мандельштамом. Первая встреча с большим поэтом в такой нищей обстановке оставила у меня неизгладимое впечатление, в котором сочетались восторг перед талантом поэта и возмущение обстоятельствами его жизни.

При выходе я столкнулся с писателем Потапенко, который жил в этом же доме. Он ссорился с кем-то из соседей и, конечно, не обратил на меня никакого внимания...²²

Свидетельство Л. Горнунга показывает, что здесь мы имеем дело с риторическим приемом Мандельштама, который оставался писателем даже в канцелярской переписке. Более того, фраза о жене Д.Д. Благого тоже лишь немного отличается от чеховской «Жалобной книги»:

Приношу начальству мою жалобу на Кондуктора Кучкина за его грубости в отношении к моей жене. *Жена моя вовсе не шумела, а напротив старалась чтоб всё было тихо.* А также и насчет жандарма Клятвина который меня грубо за плечо взял. Жительство имею в имении Андрея Ивановича Ищева который знает мое поведение. Конторщик Самолучшев.

Трудно сказать, с чем мы тут имеем дело, с искренним возмущением поэта коммунальными безобразиями, когда от возмущения и раздражения он пишет обрывками фраз из соответствующих произведений, либо перед нами момент зарождения творческого порыва, основанного на всплывшем в сознании «чужом слове». Но так или иначе, текст Мандельштама требует аккуратного анализа и с литературной, и с фактической стороны.

Здесь требуется некоторое отступление. Заметим, что интересное нас заявление Мандельштама в комментарии к мемуарам Горнунга публикатором Т. Нешумовой не используется. Интересно, что та же Т. Нешумова на Второй мандельштамовской конференции в РГГУ «Осип Мандельштам и его время» 2016 г. прочла воспоминания М.А. Торбин о вольных нравах Н.Я. Мандельштам в Доме Герцена, о том, как указанный Потапенко захлопывал окна, когда Н.Я. Мандельштам и С. Марр распевали фривольные песни

²² Горнунг Л. Указ. соч. С. 46.

(не этой ли рамой был «отгорожен» старый писатель от квартирных скандалов), и т. д. Но и этот материал не используется, на сей раз и для комментария к записям Л. Горнунга о ситуации, явно отраженной в заявлении Манделъштама. Еще более интересно, что в описанных мемуарах фигурируют и взаимоотношения Н.Я. Манделъштам с женой Д.Д. Благого²³.

Между тем слишком простыми они не были. Приведем, не жалея места, еще одни давно доступные, но вновь не используемые в комментариях мемуары, которые не отыскиваются простым интернетным поиском, хотя и висят в Сети. Это воспоминания сына пушкиниста Д.Д. Благого (но не от второй жены – С.Р. Благой, а от известной исследовательницы Ф.М. Достоевского В. Нечаевой – пианиста Д.Д. Благого (Нечаева)), который коснулся как раз первой жены своего отца.:

Очень много воспоминаний о Коктебеле хранил, конечно, отец, некоторое время обитавший там в начале гражданской войны. Но вряд ли он слишком распространялся на эту тему хотя бы с той же мамой, ибо период этот вообще был в его жизни довольно смутным – особенно для последующего автора «Социологии творчества Пушкина». Даже много позднее, когда разговор у него с Софией Рафаиловной (его первой женой) заходил об общих коктебельских воспоминаниях, многое мне, уже взрослому человеку, оставалось неясным, хотя фигурировали там весьма конкретные факты. Например, как спасала вышеупомянутая Софья Рафаиловна Осипа Манделъштама, оделяя его продуктами и вещами первой необходимости, которыми он якобы затем ни много ни мало как спекулировал (!). Или как переданный какому-то братишке для расстрела «буржуй» Д.Д. Благой был великодушно отпущен этим «братишкой» и как с этого момента – выражаюсь схематично – буржуазная психология в нем уступила место прямо ей противоположной.

Представляю, с какой пеной у рта должны набросится на написанную выше строку о Манделъштаме поклонники его гения. А между тем, во-первых, слово гений я не взял в кавычки только затем, чтобы, как говорится, не дразнить гусей; главное же, время было таким, что и самого что ни на есть гения Манделъштама могло подвигнуть на многое. Иное дело – трактовка выбора слова.

И вот это-то и обнаруживает всю неприязнь четы Благой к большому, очень талантливому и, конечно, необычайно трагической судьбы поэту. К сожалению, именно последнее обстоятельство и определяет в последнее время необычайную моду на Манделъштама

---

²³ См.: <https://www.youtube.com/watch?v=nb0TIGjcCqk> (отрывок видеозаписи 1.04.00–1.23.00).

и головокружительную цену его книг на «черном рынке» – о, как можете испошлить вы, люди, даже величайшие страдания человека, как умеете спекулировать ими во всевозможных целях – от коммерческих до политических!

Не раз «прорывало» меня в конце какой-нибудь главки, не раз захлестывали волны обобщений, не раз перекидывался мост в сегодняшний день. Но начинать с этого главу! Какой же нужен крутой поворот штурвала «машины времени»²⁴, чтобы из года 1986 снова перенестись в год 1938, а главное, взглянуть на этот давно минувший год с точки зрения многих и многих, трагически простившихся тогда с жизнью²⁵ (в том числе и Осипа Мандельштама), а лишь вступающего в нее мальчугана, «как первую любовь пронесшего волшебство коктейльских мест через всю жизнь свою»²⁶.

Коснувшись личности «жены Благого» в мемуарах, его сын от другой женщины, однако, не упомянул главную причину ненависти в семье к Д.Д. Благому-старшему – комментируемую нами фразу о нем. Теперь мы «во всеоружии» возвращаемся, учтя все «за и против», к письму О.Э. Мандельштама из Гаспры.

Но важность заявления Мандельштама для нас не в этом. Куда важнее, что исходом этой склоки стал выход Мандельштама из ВСП и съезд из скандального общежития. Более того, тогда имела место первая литературно важная драка с женой поэта:

Зимой в доме было учинено доверенным лицом Союза гр. Свирским и его помощником неслыханное безобразие – избивание в помещении Союза живущей во дворе женщины с нанесением ей тяжелых увечий»²⁷.

В комментарии разъясняется: «На заявлении пометы «К делу. А.С. <Свирский>» и «Ответ в протоколе от 9.IX.23»²⁸.

И там же А.Г. Мец приводит мемуары Н.Я. Мандельштам, которые требуют очень аккуратного к себе отношения:

²⁴ Похоже, что здесь мы видим вольные или невольные отголоски «Сумерек свободы...» О. Мандельштама с его «огромным, скрипучим поворотом руля».

²⁵ А здесь не исключен след «Поэмы без героя»: «Из года сорокового, как с башни на все гляжу...»

²⁶ *Благой Д.* Коктебель // Благой Д. Воспоминания. 1986 (2012) [Электронный ресурс]. URL: http://blagoy.ru/dml_texts/memoirs/1_Dmitry_Blagoy_1930_1986_memoirs1_kokt.pdf.

²⁷ *Мандельштам О.* Полное собрание сочинений и писем. Т. 3. С. 499.

²⁸ Там же. С. 744.

Под конец срока в Гаспре – мы прожили там два месяца – приехал Абрам Эфрос и деловито сообщил: «Мы вам вынесли выговор» (Эфрос был активным членом Союза писателей). Мандельштам спросил, какой выговор, не вызвав его и не запросив объяснений: «Вы ведь общественная организация...» Эфрос сказал, что выговор не имеет значения, а вынесен он по жалобе Свирского, потому что Мандельштам «набросился на его жену», требуя, чтобы она не шумела на кухне. Свирский, как потом выяснилось, никакой жалобы не подавал. Все это было выдумкой Эфроса, знаменитого интригана союзписательского типа. (Впоследствии он был организатором фельетона Заславского, который был принесен в ночную редакцию во время дежурства Эфроса.) (30, с. 166–167)²⁹.

Между тем все было именно так, как сказал Эфрос:

Протокол заседания Правления Всероссийского Союза Писателей.
10 августа 1923 г.

Присутствовали: А.М. Эфрос, В.Г. Лидин, Н.С. Ашукин, Л.Я. Гуревич, А.И. Свирский, В.П. Ютанов, В.А. Никольский, С.Д. Разумовский. Председатель А.М. Эфрос.

<...> Слушали <...>

12. Доклад Хозяйственной Комиссии по поводу поведения Мандельштама по отношению к Т.А. Свирской.

Постановили <...>

Заслушав доклад Хозяйственной Комиссии по вопросу об инциденте между членом Союза О.Э. Мандельштамом и женой члена Союза А.И. Свирского Т.А. Свирской, и принимая во внимание показания живущих в общежитии Союза членов Союза И.Н. Потапенко, С.А. Клычкова, Д.Д. Благого и жены его С.Р. Благой, – Правление Всероссийского Союза Писателей считает необходимым со всею решительностью отметить, что поведение члена Союза О.Э. Мандельштама совершенно расходится с добрыми нравами, какие могут и должны быть между общественно-воспитанными людьми вообще и между писателями в особенности.

Правление при этом констатирует, что указанный инцидент не является единичным со стороны О.Э. Мандельштама, а лишь более резким случаем, среди ряда таковых же; Правление считает, что это ставит перед ним вопрос о возможности дальнейшего пребывания О.Э. Мандельштама в общежитии Союза Писателей.

17 авг. правление ВСП на основании «доклада» Ю.В. Соболева о вышеупомянутом инциденте принимает резолюцию (проект резолюции зачитал А.М. Эфрос), которой Свирский был удовлетворен (отмечено в Летописи, с. 254)» [Витгоф 2016, с. 40].

---

²⁹ Там же.

Однако фанатичный сторонник мифологического мандельштамоведения и соавтор А.Г. Меца по не менее печально знаменитой, чем «Мандельштамовская энциклопедия», «Летописи» [Кацис 2015, Кацис 2018b] Л. Витгоф безучастно сообщает в большой специальной работе: «Н.Я. Мандельштам сообщает о случившемся так...» [Витгоф 2016, с. 40]. А как, мы уже знаем.

Между тем Эфрос все это сообщил в Гаспре не ранее 10 августа, когда он принимал участие в заседании, и не позже 23 августа, когда Мандельштам отправил свое письмо, а скорее и не ранее 17 августа, когда была вынесена резолюция. Итак, Н.Я. Мандельштам не без хитрости указала, что заявления Свирского не было. Она хорошо помнила, что решение было принято не по заявлению, о котором мы ничего не знаем, а по докладу комиссии. Однако, в любом случае, не по «выдумке» А. Эфроса, с которым у Мандельштама сохранялись и деловые, и литературные отношения. Неудивительно, что, цитируя мемуары Горнунга по воронежскому сборнику 1990 г.³⁰, Витгоф «аккуратно» пропускает тот абзац о Потапенко, который мы цитировали выше и который противоречит цитируемому заявлению Мандельштама. И эта ситуация в точности повторяет ту, которая связана с воспоминаниями Н.Я. Мандельштам, которая, как мы помним, отрицала существование заявления Свирского о поведении Мандельштамов, а все приписывала игре ума «дельца» А. Эфроса. Теперь мы видим, чего стоят рассуждения наиболее публикуемого лидера современного энциклопедическо-мифологического мандельштамоведения об А. Эфросе на фоне реальных документов, публикуемых его же последователями³¹.

---

³⁰ Горнунг Л. Немного воспоминаний об Осипе Мандельштаме // Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама. Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1990.

³¹ См.: [Нерлер 2015]. Ср.: [Кацис 2018в]. Теперь к этим сведениям можно добавить и еще одну важную деталь. Мы имеем в виду недавнюю публикацию [Соболев 2019, с. 804–807], в которой этот автор напомнил происхождение слова «делец» в устах и под пером Н.Я. Мандельштам, идущее из статьи [Осипов 1949], однако относящееся не собственно к А. Эфросу – «видному коммунисту в Наркомпросе, с которым Маргулис умел ладить», по словам Осипова, а к работавшему с Эфросом герою мандельштамовских «маргулет» А.И. Маргулису: «У него <Мандельштама> была ненависть к типу преуспевающего советского дельца... Типичным дельцом был некий Маргулис...» [Соболев 2019, с. 805]. Н.Я. Мандельштам прекрасно знала этот текст: «Идиотское толкование невиннейшей шутке дал некто Осипов, ну его к черту...» (*Мандельштам Н. Собр. соч.*:

Впрочем, похоже, память не всегда подводила Н.Я. Мандельштам. Так, в нашем случае она точно помнила, что разбирался «доклад хозяйственной комиссии», а не «заявление» Свирского.

В случае, если нам встретятся еще подобные «сдвиги», мы сможем более адекватно оценивать историографическое содержание мемуаров и писем Н.Я. Мандельштам. Но уж Эфрос точно тут ничего не выдумывал, ведь именно он докладывал «дело».

Итак, мы знаем теперь и участников, и обстоятельства коммунальных скандалов начала 1920-х гг. в Доме Герцена. Но есть и специальная большая публикация на эти сугубо бытовые темы.

Приведа письма О.Э. Мандельштама из Гаспры, Л. Витгоф пишет:

Это письмо свидетельствует о том, что мысль о несовместимости атмосферы и порядков в Доме Герцена с образом Герцена, чье имя получил писательский центр, возникла у Мандельштама еще в начале 1920-х гг. Позднее это представление отразится в «Четвертой прозе» (1929–1930) [Витгоф 2015, с. 41].

Разумеется, этот автор на слово верит тому, что «Четвертая проза» может быть датирована «1929–1930», однако предусмо-

---

В 2 т. Екатеринбург: ГОНЗО, 2014. Т. 2. С. 148, комм. С. 654). «Осторожный» и «корректный» А. Соболев, по-видимому, не знакомый ни с работой [Нерлер 2015], ни с нашей на нее реакцией, не стал отмечать, что комментаторы двухтомника слово «делец» применительно к «положительному» для П. Нерлера Маргулису приводить не стали, иначе вся концепция работы [Нерлер 2015] лишилась бы фундамента, равно как потеряло бы свое значение и «спорадическое» замечание А. Соболева. Надеемся, что этот небольшой сюжет окажется полезным вместе со всеми остальными, как здесь приведенными, так и выполненными нами и не нами в последние десятилетия, для наконец-то официально и учительно, учитывая время и место, провозглашенной соавтором А. Соболева проф. Р. Тименчиком на Летней школе по русской литературе новейшей цели мандельштамоведения, когда публикуемые им документы вошли в непримиримое противоречие и «НЯ-центричной» наукой о Мандельштаме Осипе Эмильевиче: «В качестве жизнеописания поэта “Воспоминания” и “Вторая книга” должны быть, как и любой другой источник, подвергнуты филологической критике, но следует предупредить, что в данном случае процесс этот будет весьма сложным и долговременным, требующим сведения множества документальных свидетельств, анализа различных временных слоев в оформлении мемуарного нарратива как у вдовы поэта, так и у ее современников. Как и при всяком извлечении релевантной информации из мемуарного источника, следует прежде всего нейтрализовать жанровые фильтры, черты мемуарного «языка...» и т. д. [Тименчик 2019, с. 92–106]

трительно не указывает мнение все той же Н.Я. Мандельштам, что мы имеем дело только с копиями даже не послеворонежского периода:

Когда пришло известие о смерти О.М., я взяла первую запись у Любы. Она вся истлела, и карандаш местами стерся, но еще было можно проверить по ней свою память. Я сделала несколько копий. Одну я взяла себе... остальные (2–3) раздала. Сохранились те, которые я оставила себе и дала Любе. Одна из них совсем истлела (вероятно, моя: сырость, зашивание в подушку), сейчас есть две – одна копия с первого экземпляра, вторая – запись наизусть (запись Н.М. 1960-х гг., личный архив А.А. Морозова) [Мец 2017, с. 609]³²,

с одной стороны, и с сознательной поздней порчей текста, уже после того как с копиями работал А.А. Морозов. Не говорим уже о явно воронежских обстоятельствах, отразившихся в почти завершающих строках дошедшего до нас варианта:

Я виноват. Двух мнений здесь быть не может. Из виновности не вылезая. В неоплатности живу. Изворачиванием спасаюсь. Долго ли мне еще изворачиваться?

Когда приходит жестяная повестка или греческое в своей простоте напоминание от общественной организации, *когда от меня требуют, чтобы я выдал сообщников*, прекратил вороватую деятельность, указал, где беру фальшивые деньги, и *дал расписку о невыезде из предначертанных мне границ*, я моментально соглашаюсь, но тот час, как ни в чем не бывало, снова начинаю изворачиваться – и так без конца.

Во-первых, *я откуда-то сбежал, и меня нужно вернуть, водворить, разыскать и направить*. Во-вторых, меня принимают за кого-то другого. Удостоверить нету сил. В карманах дрянь: *прошлогодние шифрованные записки*, телефоны умерших родственников и неизвестно чьи адреса. В-третьих, я подписал с Вельзевулом или ГИЗ'ом грандиозный, невыполнимый договор на ватманской бумаге, подмазанной горчицей с перцем – наждачным порошком, в котором обязался вернуть в двойном размере все приобретенное, оторвать в четверном размере все незаконно присвоенное и *шестнадцать раз кряду проделать то невозможное, то немыслимое, то единственное, которое могло бы меня частично оправдать*³³.

³² Текстологические аспекты работы Н.Я. над рукописью «Четвертой прозы» и различные аспекты истории названия вещи, приведенные А.Г. Мецем, в настоящей работе не рассматриваются. О них шла речь в нашем докладе на 6-й Международной конференции «Осип Мандельштам и его время» в РГУ в 2019 г.

³³ *Мандельштам О.* Полное собрание сочинений и писем... Т. 2. С. 303.

Сюда стоит добавить³⁴:

*Я – стареющий человек – огрызком сердца чешу господских собак – и все им мало, все им мало... С собачьей нежностью глядят на меня глаза писателей русских и умоляют: подохни! Откуда же эта лакейская злоба, это холуйское презрение к имени моему? У цыгана хоть лошадь была, а я в одной персоне и лошадь, и цыган...*³⁵

Трудно отнести к Мандельштаму 1929 г., за которого вступаются 15 «писателей русских» из мягко говоря первого ряда, слова с пожеланием подохнуть. Тогда никто не ограничивал свободу передвижений Мандельштама, более того, тогда он еще и не был сердечным больным, написавшим «Мы живем, под собою не чуя страны...», кстати, тогда будучи кандидатом в Правление сталинского Союза писателей.

А имя Мандельштама продолжало фигурировать в самых разных контекстах, вплоть до скандала с публикацией «Путешествия в Армению», и в самых разных местах. Да и «писатель русский» Б. Пастернак писал о поэте члену Политбюро Н.И. Бухарину, имя Мандельштама упоминалось на съезде писателей 1934 г., Н.Я. Мандельштам ездила к Щербакову и обсуждала проблемы обращения к Минскому пленуму правления ССП и т. д., и т. п. А вот ограничения с перемещениями стали актуальны уже после конца воронежской ссылки.

Поэтому все, что здесь перед нами, – поздний Воронеж и ничто другое! И это полностью соответствует аутентичному, будем считать, рассказу Н.Я. Мандельштам о судьбе конкретного и до нас дошедшего из ее рук текста «Четвертой прозы», который мы приводили выше по записи А.А. Морозова.

И, следовательно, из этого мы будем исходить в дальнейшем анализе.

Более того, как указывает даже Л. Витгоф:

В 1931 г. положение Мандельштама улучшается. Тяжелое разбирательство заканчивается, обвинение в плагиате, так или иначе, было снято, а главное — поездка в Армению и Грузию в 1930 г. прервала пятилетнюю *немоту* исключением: начался новый творческий подъем.

В 1932 г. неоседлые Мандельштамы получают наконец свою комнату в Доме Герцена, во флигеле, — не в том, где они жили десять лет

³⁴ Там же. С. 303.

³⁵ Трудно не вспомнить здесь: «Внешнее осуществление Пастернака прекрасно: что-то в лице зараз и от араба, и от его коня: настороженность, вслушивание, — и вот-вот...» из «Светового ливня» М. Цветаевой еще в 1922 г.

назад, а в другом, правом (если смотреть на Дом Герцена с Тверского бульвара) [Витгоф 2016, с. 45].

И вот самое интересное для нас место у Л. Витгофа, где мы встречаем хорошо нам известного И. Евдокимова, на сей раз «в роли» А. Свирского:

Выписка из протокола заседания правления ВССП (к этому времени Всероссийский союз советских писателей) приведена в *Летописи*. Процитируем этот протокол в более развернутом виде: Выписка из протокола № 33 заседания Правления ВССП от 29/ XII – 31 г.

Слушали: I. <...> б/ Информация т. Евдокимова о выполнении Жилкомиссией Горкома постановления Правления о 22/ XII с. г. предоставлением тов. ПРИШВИНУ комнаты. Кроме того, из общего жилфонда выделена комната также и т. Мандельштаму.

По поводу последнего т. Лидиным и т. Гольцевым было сделано заявление.

ПОСТАНОВИЛИ: Ввиду того, что в свое время т. Мандельштам заявил, что не желает иметь ничего общего с Федерацией [ФОСП], осудившей его поведение как переводчика [в связи с делом о «плагиате»], подтвердив свое заявление отказом подать руку на том основании, что «Вы член Союза писателей, который входит в Федерацию, а члену этой организации я руки подать не могу», ВССП считая поступок т. Мандельштама антиобщественным, находит необходимым внести в Жилкомиссию предложение пересмотреть решение о предоставлении Мандельштаму комнаты из фонда писателей Горкома [Витгоф 2016, с. 57].

Но 25 янв. 1932 г. имя Мандельштама (опять же в паре с Пришвиным) снова возникает на странице протокола заседания объединенной жилкомиссии при Горкоме писателей.

Цитируем:

1. Поручить тов. Евдокимову в срочном порядке поставить две перегородки в освобожденной двух-комнатной квартире (бывш. Глясс) в левом крыле Дома Герцена. Предложить А. НОВИКОВУ немедленно переехать туда. В освобожденной квартире бывш. Новикова в правом крыле Дома Герцена одну комнату передать МАНДЕЛЬШТАМУ, другую ПРИШВИНУ [Витгоф 2016, с. 46].

Таким образом, автор протографа фразы из «Четвертой прозы» полноправно вошел в ее контекст уже после всех оправданий по делу «Уленшпигеля».

06.02.1932 г. снова, в числе прочего:

Предложение т. Ляшкевича о вселении в дом Герцена лиц не имеющих никакой жилплощади взамен ранее назначенных товарищей.

Постановили:

Предоставить жилплощадь в доме 25 по Тверскому б. след. т.т. Пермитину 2 комнаты, Пастернаку 2 комнаты [в полученном жилье поселилась первая жена Б. Пастернака Евгения Владимировна с сыном Евгением. – Л. В.], Шухову 2 комнаты, Анову 1 комн., Лузгину 1 комн., Платошкину 2 комн. <...>

3) Предложить т. Евдокимову временно вселить в левый флигель дома Герцена сл. т.т. Дубинскую, Герасимова и Пермитина. <...> Предложить т. Мандельштам обменяться с комнатой Луговского и освободившуюся комнату Мандельштама предоставить т. Андрианову. <...>

Слушали: 4

Заявление т. Саргиджан.

Постановили:

Ввиду отсутствия свободной площади т. Саргиджана не удовлетворить [Витгоф 2016, с. 47].

А вот в связи с именем Евдокимова завязка следующей коммунальной истории, которая приведет Мандельштама к пощечине Алексею Толстому. А ведь это опять сюжет из чеховской «Жалобной книги», как и в первом случае.

Но «В подпункте 4 пункта 8-го читаем:

О. Мандельштаму предоставить вторую комнату Андрея Новикова». А в подпункте 7 этого же 8-го пункта говорится: «ПРИШВИНУ предоставить одну комнату в кв. 6» [Витгоф 2016, с. 47].

И еще некоторые документы, напечатанные, но оставленные без специального комментария Л. Витгофом, позволяют лишний раз понять, что дошедший до нас текст «Четвертой прозы» не имеет отношения не только к 1929–1930, но и к 1932–1933 гг., когда И.В. Сталин оставлял Мандельштама в составе Правления Союза писателей, планировавшегося на съезд в 1933 г.

Вот этот текст:

Имя Мандельштама стоит, в числе прочих, и под недатированным письмом в Горком писателей с ходатайством о зачислении на «особое снабжение»

И.А. Аксенова:

В Горком писателей

Как нам известно, при зачислении писателей на так называемое особое снабжение был допущен ряд досадных пробелов. Мы хотели

бы обратить Ваше внимание на одну из этих ошибок, допущенную в отношении И.А. Аксенова.

Товарищ Аксенов — поэт, драматург, искусствовед, литературный критик и переводчик, внес в нашу литературу весьма ценные культурные вклады.

Далее перечисляются работы Аксенова о «Гамлете» Шекспира, об английских драматургах Елизаветинской эпохи, его книга о Пикассо и др. Среди подписавших это письмо — А. Дживелегов, В. Мейерхольд, О. Мандельштам, Б. Пастернак и В. Шкловский.

Идентичное (за исключением ряда мелких деталей) письмо об И.А. Аксенове было направлено в Оргбюро. Под письмом стоят, в частности, подписи Б. Пастернака, О. Мандельштама, И. Сельвинского, М. Зенкевича, В. Мейерхольда, А. Дживелегова и В. Шкловского. Хотя эти обращения не датированы, есть все основания полагать, что они относятся к началу 1930-х гг., к тому периоду, когда Мандельштам жил снова в Доме Герцена и И. Аксенов был одним из тех людей, с которыми поэт общался часто [Витгоф 2016, с. 53].

А ведь это еще один оставшийся ненаказанным и неуказанным участник той самой казни Д. Богрова, двое из которых (кстати, киевских черносотенцев) и украли «веревку удушенника» Д. Богрова, к которой восходит, по нашему мнению, «веревка удушенника Сережи Есенина». Та самая веревка, которая оказалась точным перевертышем в ситуации «Благой — Есенин» и, естественно, «Благой — Свирский» у Евдокимова-Мандельштама, равно как и «Аксенов (вешавший несчастных по темницам) — Есенин (не расстреливал несчастных по темницам)».

А Евдокимов и Аксенов, как мы видим, оказались двумя не названными открыто героями «Четвертой прозы», но обозначенными двумя знаковыми фразами как раз о гибели: от петли, велосипедиста и попугая.

Нетрудно видеть, что в истории с пайком Аксенова Мандельштам оказался в кругу своих защитников по делу «Уленшпигеля», т. е. перед нами очередной замечательный квартирно-бытовой и поэтически-переводческий перевертыш. А в марте 1932 г. Мандельштам уже получил персональную пенсию за заслуги перед русской литературой. Тем, кто только «чешет собак», это явно не полагалось, впрочем, как и обладателям т. н. «минусов», т. е. ограничения мест проживания. Не говоря уже о том, что нарушали паспортный режим, тайно приезжая в Москву, Мандельштамы уже после Воронежа. А это еще больше заставляет задуматься о базовой датировке дошедшего до нас текста «Четвертой» (если «Армения» 1933 г.! — «Третья») прозы.

Ярким примером заведомо мифологического мандельштамова и надежда-мандельштамоведения является текст Л. Витгофа о знаменитом инциденте с Саргиджаном и упомянутой пощечине:

Показательно, что, в отличие от инцидентов с Хлебниковым (1913 г.) и В. Шершеневичем (1921 г., в этом случае потасовка тоже имела место), Мандельштам не вызвал противника на дуэль. Наше предположение таково. И время не то, и — главное — человек не тот. Человек другого круга, из той «литературы», к которой Мандельштам себя никак не причислял. А вот Алексей Толстой, который, по мнению Мандельштама, вел себя в качестве председателя суда непорядочно и не осудил в должной мере человека, ударившего Надежду Яковлевну, был, тем не менее, «достойн» пощечины, которую и получил. С Саргиджаном, представителем «другой породы», какая может быть дуэль? С.И. Липкин отмечает в своих мемуарах, что на товарищеском суде «Мандельштам вел себя бессмысленно. Вместо того чтобы разумно объяснить, как обстояло дело в действительности, он, нервно и звонко, почти певуче вскрикивая, напирал на то, что Саргиджан и его жена — ничтожные, дурные люди и плохие писатели, вовсе не писатели».

С практической точки зрения такое поведение эффективным не назовешь. Но для нас в данном случае важно, что в нем снова, думается, проявилось у поэта то чувство непричастности, «непринадлежности» «литературе», «разрешенному» писательству, которое (чувство) так ярко выразилось в недавней «Четвертой прозе» (1929–1930) и откликнется в следующем, 1933 г., в стихотворении «Квартира тиха, как бумага...». Возможно, на какое-то время это ощущение приглушилось, ушло на задний план сознания; бытовой конфликт с Саргиджаном пробудил, актуализировал у Мандельштама, по нашему мнению, представление о своей чуждости «домогерценовской» литературе и сознание своего превосходства над ней [Витгоф 2016, с. 66].

Простая идея о том, что «Четвертая проза» написана явно после всех этих событий, в голову краеведа-экскурсовода по книгам Н.Я. Мандельштам понятным образом не приходит.

А вот постоянное участие И. Евдокимова во всех этих перипетиях, к тому же еще и автора фразы о Благом и голове Свирского, датированной гарантированно до начала работы над «Четвертой прозой» при любой дате ее окончания, позволяет нам понять, почему уже в Воронеже неактуальные коммунальные руководители были заменены Мандельштамом не мелким секретарем комиссии ВСП по увековечению памяти Есенина, а, казалось бы успешным советским литературным функционером, выпустившим к тому моменту две важных книги совсем не о Есенине (Социология

творчества Пушкина. М.: Федерация, 1929; 2-е изд.: М.: Мир, 1931, и Три века. Из истории русской поэзии XVIII, XIX и XX веков. М.: Советская литература, 1933. 380 с.).

Своей иронией Мандельштам, пусть тогда лишь для себя и самого узкого круга читателей, вернул растущего функционера к его юности, когда он не столько хранил «череп» Свицкого, по сведениям Евдокимова, сколько просто прислуживал начальству при Пушкине.

Впрочем, приведенные выше сведения о жизни четы Благих и контактах с четой Мандельштамов с очевидностью потребуют корректив примитивно осуждающей позиции «Четвертой прозы».

Интересно, что и в приводимой ниже цитате из А.К. Гладкова, который, будучи очень близок к Н.Я. Мандельштам (настолько, что выполнял ее указания по «ловле» негодных материалов и мемуаристов, а поэтому и не мог он думать о другой датировке «Четвертой прозы»), мы видим соотнесение этой прозы 1930 г. с остальной жизнью Мандельштама. Разумеется, всегда хочется, чтобы поэт был пророком, но все же присмотримся:

А.К. Гладков пронизательно писал: «Невозможно правильно понять “Четвертую прозу” Мандельштама, объясняя ее биографическими фактами, связанными с обработкой перевода “Тиля Уленшпигеля” и фельетоном Заславского. Реакция настолько громче события, ее вызывавшего, что тут все кажется преувеличенным, раздутым, слишком обостренным, чересчур чувствительным. <...> Но если соотнести накал и пафос обобщений “Четвертой прозы” со всей дальнейшей судьбой поэта, то она не покажется ни чрезмерной, ни преувеличенной...» [Витгоф 2016, с. 67].

Воистину так, если понять, что перед нами воронежская или пост-воронежская проза. Тогда и «Квартира тиха, как бумага...», и «Голодный Крым» окажутся на своих местах, до «Мы живем, под собою не чуя страны...», а «Четвертая проза» – на своем.

Таким же образом и фраза Ивана Евдокимова, с которой началась эта работа, вполне объяснимо попала в своем преображенном виде в «Четвертую прозу», а сам Евдокимов своим присутствием и ролью в жизни Мандельштама в 1930–1932 гг. позволил сдвинуть даты написания этого сочинения Мандельштама по крайней мере года на три.

Однако ситуация оказывается еще сложнее, если мы попытаемся разрешить неразрешенную до сих пор проблему: какое отношение к *Лицею* (кстати, к какому и какого периода?) и тогда уже и Пушкину имеет Д.Д. Благый, получивший еще и дополнительное определение «лицейская *сволочь*», однако в связи с Есениным и «веревкой»? И это очередной номер нашего комментария.

Похоже, что здесь, с одной стороны, нам пригодится опыт изучения проблемы «веревки» в связи с Иваном Аксеновым, а также «велосипедистом» и «попугаем» «Четвертой прозы», когда нам пришлось пройти всю парадигму «поэт-убийца-самоубийца-висельник-веревка-попугай», что и позволило связать всех участников историко-литературной игры Мандельштама в один плотный узел. Нет никаких оснований для того, чтобы не продолжить этот опыт теперь, применительно к интересующей нас фразе про «лицей» – «сволочь» – «Благой» – «музей» и добавить ее к имеющейся последовательности [«поэт-убийца-самоубийца-висельник-веревка-попугай»], которой мы уже занимались.

Поразительно, но все, кроме имени «Митьки Благого», вновь сойдется вокруг имени автора первой фразы о Благом и хранителе «веревки» – И.В. Евдокимове!

Впрочем, если мы были изначально правы и в наших передативках, и в предыдущих анализах, ничего другого и быть не могло. И вновь нам поможет это понять очередная работа о И.В. Евдокимове, пропущенная исследователями. Только работа окажется о Евдокимове-пушкинисте, что еще более важно с учетом основной деятельности пушкиниста и есениноведа-мемориалиста Д.Д. Благого. Характерно, что в первом случае в голову не приходит именно слово «пушкинист», а во втором – «есениновед-хранитель».

При этом, как мы видели, оба пушкиниста-есениноведа и даже жена одного из них имели прямое отношение к разным периодам жизни О.Э. Мандельштама.

И здесь нам поможет восстановить и понять ситуацию как раз современное пушкиноведение. Оно же поможет добавить некоторые важные обертоны и к пушкинскому, и к каменноостровскому мифу Мандельштама.

Вот начало сюжета, когда 23 марта 1917 г. газета «Русское слово» напечатала короткое, без каких-либо подробностей, сообщение о краже из Пушкинского лицейского музея:

Сегодня в кабинете директора Пушкинского музея, помещающегося в здании Александровского лицея, обнаружена кража ценных золотых вещей, сохранявшихся со времен Пушкина. Среди похищенных вещей находятся золотой перстень, на камне которого была сокращенная надпись на древнееврейском языке, и свинцовая пуля в золотой оправе, найденная в кармане жилетки Пушкина 27-го января 1837 года. Приняты меры к розыску похищенных вещей». Подробности этого происшествия стали известны только 80 лет спустя. В 1997 г. С.М. Некрасов опубликовал записку А.А. Повержо – лицейского выпускника 1891 г., который связал свою дальнейшую

судьбу с Лицеом и прошел в нем путь от репетитора до инспектора воспитанников и классов, а с марта 1917 г. (в связи с болезнью В.А. Шильдера) исполнял и обязанности директора Лицея. Повержо вспоминал, как он, беспокоясь «о сохранности богатого лицейского имущества и, в частности, Пушкинского музея с его ценными рукописями и разными медалями и реликвиями», отправился в недавно образованный местный комиссариат. Комиссар выделил наряд из 8–10 солдат, одетых в форму Гренадерского полка, и они были расставлены в главных пунктах Лицея. «Защитники оказались, однако, ненадежными, – вспоминал Повержо. – Наутро караул исчез, остался только один часовой, и тот не знал, какого полка были остальные. Но оказалось, что взломан стеной железный шкаф в квартире директора, где хранились ценности Пушкинского музея, и что исчезло несколько медалей, золотое перо, пушкинское кольцо, талисман поэта, пуля... Бросились в казармы Гренадерского полка, но там о лицейском карауле не имели никакого понятия. На новообразованную милицию рассчитывать не приходилось, и вещи пропали безвозвратно» [Краснобородько 2012, с. 6–7].

Ссылка дается на: «Б. п. Кража из Пушкинского музея // Русское слово. 1917. 23 марта. № 66».

В работе тут же приводятся и неопубликованные своевременно сведения из повременного дневника о том, что пропажа, якобы, обнаружилась уже «в ночь на 4 марта». И сразу же за этим читаем:

Приходится, к сожалению, признать, что Каменноостровский проспект, куда в 1844 г. был переведен Императорский Царскосельский Лицей, оправдал известную характеристику О.Э. Мандельштама, назвавшего его «одной из самых легких и безответственных улиц Петербурга», которая «в семнадцатом году, после февральских дней», «еще более полегчала, с ее паровыми прачечными, грузинскими лавочками, продающими исчезающее какао, и шальными автомобилями Временного правительства»³⁶.

Для «человека Каменноостровского проспекта» это обстоятельство неважным быть не может. Ведь линия, прочерченная поэтическим взором Мандельштама, приведет нас и к краже в «Египетской марке», и к панихиде по Пушкину, заказанной поэтом в Церкви Коношенного приказа.

Однако есть у пушкинского камня и еще одна особенность, которая не могла пройти мимо внимания Иосифа Мандельштама, очень внимательно относившегося к собственному имени:

³⁶ *Мандельштам О.* Полное собрание сочинений и писем... Т. 2. С. 278.

Пушкину не было известно содержание надписи, которая была вырезана на восьмиугольном сердолике, вставленном в золотую оправу. В.А. Жуковский и И.С. Тургенев думали, что надпись сделана на арабском языке, и также не знали, что она значит. Надпись была переведена только в 1880 г., когда Тургенев предоставил перстень на Пушкинскую выставку, устроенную Обществом любителей российской словесности в Москве. Московский старший раввин З. Минор установил тогда, что надпись, вырезанная зеркально (в обратном направлении), сделана на древнееврейском языке и означает: «Симха, сын почтенного рабби Иосифа, да будет благословенна его память» (см.: Альбом московской Пушкинской выставки 1880 года / Изд. Общества любителей российской словесности под ред. Л. Поливанова; Биографический очерк А.С. Пушкина составил А. А. Венкштерн (Венкстерн). М., 1882. С. 168; 2-е изд. М., 1887. С. 159–160) [Краснобородько 2012, с. 6–7].

Таким образом, одним из знаковых событий Февральской революции оказалось обнаружение кражи из Музея Лицея пушкинского перстня с еврейской надписью, а еврейский во многом Каменноостровский проспект приобрел не только дополнительные пушкинско-лицейские черты, но и в них же обрел очень тонкий еврейский подтекст, легко вписывающийся в основную проблематику «Египетской марки» [Кацис 2018d], не говоря уже о том, что приведенное сообщение должно дополнить замечательный список «Манделъштам и темы ежедневной печати» Д. Сегала [Сегал 2006/1987]³⁷, где есть упоминание этого факта с указанием языка

---

³⁷ Чтобы не отвлекаться от основной темы, заметим, что раввин З. Минор был общеизвестным учителем древнееврейского языка у Л.Н. Толстого, а история «Талисмана» с еврейской надписью косвенно связана и с Толстым: «По смерти поэта перстень перешел к В.А. Жуковскому, потом достался его сыну Павлу – ближайшему другу Онегина. В 1875 или в 1876 г. Павел Васильевич передал кольцо И.С. Тургеневу, «увлекшись», по свидетельству Онегина, и самим писателем, и «его обожанием Пушкина», – «с условием возврата в случае смерти». «Тургенев на это согласился, но действительно раз, очевидно, забыв об условии, сказал, что, умирая, передаст его графу Л. Толстому. Сказал он это даже в присутствии самого П.В. Жуковского, не нашедшего возможным протестовать тут же», – писал Онегин в памятной записке (или наброске неосуществленной газетной статьи), которая сохранилась в его архиве». Автор статьи приводит и ссылку, которую имел в виду Онегин: Онегин имеет в виду сообщение В.Б. Пассека, в котором приведены эти слова Тургенева (см.: *Пассек В. Еще о перстне Пушкина // Новое время. 1887. 8 марта. № 3959*). Приводим ее для демонстрации общеизвестности всех приводимых фактов, особенно в кругу идейных пушкинианцев

надписи, однако широкий, как оказывается, лицейско – русско-еврейско – каменноостровский контекст, столь важный для «Египетской марки», в ней не упомянут³⁸.

История обретения перстня Лицейским музеем закончилась в 1888 г., но, похоже, очень скоро перстень и исчез [см. подробнее: Краснобородько 2012].

Но теперь мы можем обратиться к нашей истории:

В 1923 г. московский журнал «Среди коллекционеров» напечатал статью «Украденный перстень Пушкина». Ее автор Иван Васильевич Евдокимов (1887–1941) – поэт, искусствовед, во второй половине 1920-х гг. – успешный беллетрист. Уроженец Вологды, он, пройдя школу местной подпольной большевистской организации, с 1911 по 1915 г. учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета и был одним из многочисленных учеников И.А. Шляпкина. Зная о страсти своего профессора к коллекционированию, он – как «доказательство» своей «живейшей благодарности и привязанности» – однажды подарил ему приобретенный у частного лица «маленький рукописный архив», в котором были автографы С.Д. Дрожжина, Л.А. Чарской, П.В. Засодимского, Н.К. Михайловского, П.И. Вейнберга, Г.В. Юдина и др. В 1922 г. Евдокимов переехал из Вологды, куда вернулся по окончании университета, в Москву и работал поначалу техническим редактором в Госиздате. В упомянутой статье 1923 г. Евдокимов передавал слышанный им когда-то рассказ И.А. Шляпкина о том, что пушкинское кольцо и «несколько рукописей» были украдены из музейной витрины в 1890-е гг. лицейским дядькой, который «сбыл их одному петроградскому старьевщику».

[Краснобородько 2012, с. 7–8]. При этом все материалы Онегина цитируются по его материалам для ненаписанной статьи, поводом к которой явилось дошедшее до Парижа (о Питере не говорим!) сообщение о краже, которое он пометил «некрологической ремаркой»: «+ кольцо Пушкина» [Краснобородько 2012, с. 7].

³⁸ Попутно отметим: Д.М. Сегал указывает, что «многие газеты сообщили... о разгроме в Петрограде коллекции вещей Пушкина» и приводит ссылки на «День» от 23 марта 1917 г. и «Петроградский листок» от 25 марта того же года. А Т.И. Краснобородько, сосредоточившись лишь на реакции на заметку в «Русском слове», попавшую к А.Ф. Онегину, других ссылок не приводит. Равно как и Д.М. Сегал из соображений разумной достаточности не привел как раз последнюю заметку. В любом случае, указание Д.М. Сегала позволяет уверенно говорить о том, что мимо Мандельштама это происшествие пройти не могло, и уникальной заметка в «Русском слове» не была.

И продолжал:

Когда воровство обнаружилось, и дядька сознался в своем проступке, – сообщал Евдокимов со слов своего университетского профессора, – то по его указаниям бросились в поиски за перстнем и рукописями. Все рукописи будто бы удалось вернуть, но перстня у старьевщика уже не оказалось. Дело о воровстве дядьки не получило огласки. Администрация лицея предпочла скрыть от общества эту преступную историю. Но чтобы избежать скандала, надо было предпринять соответствующие шаги. Среди ученых и литераторов было много людей, хорошо знавших подлинник, его размеры, внешний вид и форму. Словом, материал для реставрации оказался под руками. И перстень не представляло особенного труда восстановить. При печатании известной книги Яхонтова и Аснаша «Пушкинский музей» решено было в приложении дать оттиски подлинного Пушкинского перстня. К этому времени в музее уже находился «новый» Пушкинский перстень. И.А. Шляпкин, как он нам рассказывал, получив оттиски с перстня для просмотра, поражен был разницей между прежними оттисками и новыми. Только тогда сообщили ему историю кражи. Дабы не вызвать шума, пришлось в книге «Пушкинский музей» напечатать старый снимок с подлинного перстня, а не с новодела. Перстень доселе не обнаружен». Евдокимов, по его признанию, решил обнародовать эту историю ради восстановления истины, чтобы «около самого ясного и чистого нашего поэта не было никаких обманов [Краснобородько 2012, с. 14–15].

При этом автор цитируемого нами исследования высказывает резонное предположение, что И.В. Евдокимов в своей далекой Вологде мог и не знать точно имен причастных лиц, а глухо ссылавшийся на него уже в 1925 г. М.А. Цявловский или Б.Л. Модзалевский не стали привлекать внимание к этому происшествию в Лицее, так как в это время уже активно раскручивалось т. н. «Дело лицеистов» [Краснобородько 2012, с. 25].

Более того, рассказывая многодесятилетнюю историю сохранения этой тайны лицеистами, Т.И. Краснобородько даже называет раскрывшего эту тайну публично И.В. Евдокимова «обвинителем» или «свидетелем обвинения», эту роль через 25 лет принявшим на себя добровольно [Краснобородько 2012, с. 21].

Но так как И.В. Евдокимов был учеником И.А. Шляпкина, то петербургский исследователь указывает:

Можно предположить, что И.В. Евдокимов, который, кажется, не принадлежал к кругу ближайших учеников Шляпкина, волей случая оказался посвященным в тайну пропажи подлинного пушкинского кольца. В архиве Шляпкина сохранилась «Книга для

прописывания жильцов» за 1908–1914 гг. в его усадьбе при с. Александровка Белоостровской волости. Там в качестве прислуги зарегистрирована некая Надежда Васильевна Евдокимова, 20 лет, из Петербурга³⁹. Не приходилась ли она И.В. Евдокимову сестрой? И не побудила ли забота Шляпкина о верной, надежной прислуге в собственном доме-музее открыть лицейскую тайну своему студенту, принимая на службу его родственницу? [Краснобородько 2012, с. 22].

В любом случае, мы видим здесь полный аналог того, что было в случае с «веревкой», которой и быть не могло у Д.Д. Благого в Музее Есенина, но которая намекала на И. Аксенова. В данном же случае под именем «Митьки Благого» «скрывался» И.В. Евдокимов, имевший прямое отношение к раскрытию тайны хищения «дядькой» лицеистов (отсюда и форма имени «хранителя» веревки) перстня Пушкина с еврейской надписью на нем. С учетом т. н. национального вопроса, который, как мы знаем, был актуален в интересующее нас время в интересующем нас кругу, специфические обертоны мандельштамовского текста проступают достаточно явно.

Теперь «не сохранивший» тайну лицеистов «лицейская сволочь» и пушкинист И. Евдокимов, одновременно ставивший решетку «удавленнику Сереже Есенину» и придумавший фразу о «хранителе» Благом, оказался скрыт под именем не имевшего к этому никакого отношения автора «Социологии творчества Пушкина». Да и имя Пушкина оказалось здесь скрыто между «лицеем», «музеем» и, главным, Есениным.

Скажем в заключение, что И.В. Евдокимову не повезло в современном мандельштамоведении. Так, в биографиях Мандельштама Олега Лекманова при цитировании известного нам дневника о нем сказано как о «малоизвестном стихотворце». А уж о пушкинисте и говорить нечего. Между тем свою первую статью о Пушкине Евдокимов написал тогда, когда Д.Д. Благой только поступал на филологический факультет Харьковского университета.

Уже в 1983 г. А. Гура изложил, хотя и в несколько беллетризованной форме и с некоторыми наплывами дат и имен, но на основе всех важных архивов и библиографий, всю историю именно так, как нам это видится из данной статьи:

Поначалу, казалось, Иван Евдокимов избирал академическую карьеру. Да и сам он не скрывал своей мечты о профессорской деятельности, об оставлении на кафедре университета. Он добросовестно посещает курс грамматики современного русского языка академика

³⁹ См.: РО ИРЛИ. Ф. 341. Оп. 1. № 305. Л. 12.

А.А. Шахматова и тянется к большому ученому, восхищают его блестящие лекции профессора-историка С. Платонова. Сдает экзамены И. Бодуэну-де-Куртене, Л. Щербе, Н. Державину, но древние языки даются ему с большим трудом. Предпочтение отдается изучению русской литературы. Он записывается в семинарий С. Венгерова «Пушкин и его современники», участвует в просеминарии профессора И. Шляпкина.

Здесь он занимается древней русской литературой, Иваном Федоровым, а затем и пушкинской эпохой, здесь пишет большое сочинение о Сергее Глинке и получает за него серебряную медаль.

Оказывается, однако, что желание быть художником с детства живет в Евдокимове, но оно борется со страхом, с неуверенностью в своих силах. Стихи, прозаические этюды писались давно, однако все попытки пробиться в печать не удавались. Плохонькие вологодские газетенки редко и неохотно печатали его фельетоны и уклонялись от публикации рассказов. С октября 1908 года Евдокимов печатается на страницах газеты «Вологодская жизнь», под разными псевдонимами появляются его фельетоны, статьи, стихи, очерки в газетах «Север», «Эхо», «Вологодский листок», в еженедельнике «Наш Север».

Когда в университете возник поэтический кружок, Иван Евдокимов вошел в него вместе с Вл. Нарбутом, В. Гиппиусом, Борисом Энгельгардтом, Осипом Мандельштамом. Но «поэтические короли» вскоре отошли от этого кружка, и его коллективный сборник «Чемпионат поэтов» (1913) получился весьма тусклым... Вместе с молодыми пушкинистами, старшими своими товарищами по университету (Б. Модзалевский, Н. Лернер, М. Цявловский и др.), И. Евдокимов поддерживает открытый культ Пушкина и печатает большую свою работу «Современник» Александра Пушкина⁴⁰.

Более того, в том же знаковом для нас 1923 г. И.В. Евдокимов, автор ряда книг о северном церковном искусстве, публикует статью «Художественный Север и революция» в знаменитом журнале «Русское искусство» (№ 2–3) не только рядом со всеми звездами тогдашнего искусства и литературы, но и рядом со статьей Мандельштама «Vulgata» (заметки о поэзии). И здесь ни Мандельштама, ни Евдокимова не смутило соседство А. Эфроса.

Кроме всего прочего, напомним, что скандал с Эфросом и Свирским с упоминанием жены пушкиниста Благого, закончившийся выходом Мандельштама из ВСП, имел место как раз в год выхода в свет статьи И.В. Евдокимова о перстне.

---

⁴⁰ *Гура В.* Связь времен // Евдокимов И. Колокола. Архангельск: Северо-Зап. кн. изд-во, 1983 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/kol/oko/la/1.htm>

А следующий подобный эпизод имел место уже тогда, когда И.В. Евдокимов возглавлял писательское общежитие, занимая место Свицкого.

Теперь, если мы правы, оставалось лишь заменить в шутке Евдокимова Свицкого на Есенина, а голову вполне живого писателя – на петлю Есенина, не забыв «лицейское» прикличение нового домуправа еще в 1923 г., чтобы из фразы «Д. Благой (при этом организатор музея Есенина. – Л. К.) – хранитель дырявой головы тов. Свицкого («автора» временной ограды на могиле поэта. – Л. К.)» [Субботин 2018, с. 477] без особого труда появилась фраза «Четвертой прозы»:

В Доме Герцена один молочный вегетарианец – филолог с головенкой китайца – этакий ходя – хао-хао, шанго-шанго – *когда рубят головы*, из той породы, *что на цыпочках ходят по кровавой советской земле*, некий *Митька Благой – лицейская* сволочь, разрешенная большевиками для пользы науки, – сторожит в специальном музее веревку удушенника Сережи Есенина. А я говорю – *к китайцам Благого* – в Шанхай его, к китаезам! Там ему место! Чем была матушка филология и чем стала!

Отрубание голов, понятно, не требует веревки. Петля, которую хранят, легко ведет к И. Аксену и рассмотренной нами линии⁴¹. Если учесть, что даже к 1927 г. китайская революция благополучно захлебнулась в крови, а КПК была объявлена вне закона, то послать туда Благого, внешне напоминавшего Мандельштаму китайца, было тоже достаточно логично. Благой же, т. е. блаженный, отсылает к монахам, т. е. заведомым вегетарианцам, а ходя – к китайским купцам, говорящим «хорошо» и «привет» по-китайски, а в нашем случае – одобряющий казни на «кровавой советской земле» и потому «разрешенный большевиками для пользы науки».

Все это так, однако именно лицей в этом отрывке никак не находит себе места, а в предложенном нами подходе с учетом места во всем сюжете И.В. Евдокимова «Лицей» и «хранение» в «музее» легко находятся.

Похоже, это ответ на еще одну загадку творчества О.Э. Мандельштама, и опять же 1932 г. Вспомним стихи:

Дайте Тютчеву стрекозу –
Догадайтесь, почему.
Веневитинову – розу,
Ну а перстень – никому.

⁴¹ Напомним, что именно к Аксену относится часть комментируемой нами фразы «Четвертой прозы», выделенной корпусом «...сторожит ...веревку удушенника...». См.: [Кацис 2018с].

Похоже, что в такой императивной форме и безо всяких поисков сложных подтекстных ходов, да еще и между Тютчевым и Баратынским, можно говорить только о перстне Пушкина, судьбу которого мы проследили в связи с И.В. Евдокимовым именно в 1917 и 1923 гг.⁴²

Понятно, что раз поводом к написанию этой работы явилась случайная находка литературной шутки И.В. Евдокимова более раннего периода, прояснившей сам тип и характер фразы Мандельштама из «Четвертой прозы», то теперь придется внимательнейшим образом изучать литературно-коммунальный быт того времени, чтобы понять, каким образом Д.Д. Благой стал субститутом И.В. Евдокимова, который имел куда более близкое отношение к Пушкинскому Лицею, его истории и даже событиям вокруг него в конце XIX – первых десятилетиях XX в., касавшихся непосредственно пушкинского перстня, чем Д.Д. Благой, практически не употреблявший слово «Лицей» в своих работах важного для нашего исследования периода.

Кроме того, в свое время нам приходилось высказывать мысль о том, что под именами поэтов XIX в. здесь скрываются «параллельные» места из поэтов XX в., т. е. говоря языком нашей истории – перед нами современный отпечаток «штемпеля», или «печатки» русской поэзии XIX в. [Кацис 1991]. Впрочем, это отдельная история, к которой мы непременно обратимся, ведь теперь, похоже, перед нами не прием в шуточном стихотворении, а важная особенность творчества Мандельштама вообще.

---

⁴² Понятно, что если мы правы, то в чаемое обанкротившимися составителями из НИУ ВШЭ второе издание «Мандельштамовской энциклопедии» придется не только включить дополнительные имена в словник, не только привести в порядок хотя бы статью «Благой», но и существенно дополнить статью «Пушкин» [Сурат 2017], автор которой, впрочем, вслед за Сегалом не сомневается в связи «Перстень – никому» из «Дайте Тютчеву стрекозу...» О.Э. Мандельштама и Пушкина. Разумеется, теперь мы ни при каких условиях не можем согласиться с «веневитиновской» трактовкой «Перстня-никому», основанной на попытке волюнтаристского соединения всех имеющихся трактовок стихотворения Мандельштама: «Перстень из 4-го стиха – это, в первую очередь, перстень, якобы найденный в Геркулануме и подаренный Зинаидой Волконской Веневитинову, безответно в нее влюбленному, который пожелал унести этот дар с собой в могилу (см. его стихотворения «Завещание» и «К моему перстню», оба – 1826/27)» [Сошкин 2016]). Работа [Сегал 2006/1987] автору этого сочинения осталась неизвестной. Равно как и [Сурат 2017] не учитывает многочисленные пушкинского-мандельштамовские связи с разной степенью убедительности, приведенные Е. Сошкиным.

Что же касается «Четвертой прозы», теперь перед нами стоит задача сведения воедино имеющихся релевантных комментариев к этой прозаической инвективе Мандельштама и анализ ее как текста, основанного на событиях 1929–1930 гг., однако росшего «как хлеб опара» еще минимум полдесятилетия и написанного минимум на шесть лет позже.

Литература

- Витгоф 2016 – *Витгоф Л.* «Квартирный вопрос». Как Осип Мандельштам жил в Доме Герцена (по архивным материалам) // Кормановские чтения: Статьи и материалы Межвузовской научной конференции (Ижевск, апрель, 2016) / Ред.-сост. Д.И. Черашняя. Ижевск: Удмуртский университет, 2016. Вып. 15. С. 28–73.
- Кацис 1991 – *Кацис Л.* «Дайте Тютчеву стрекозу...»: (Из комментария к возможному подтексту) // «Сохрани мою речь...»: Мандельштамовский сборник. М.: Обновление, 1991. С. 75–84.
- Кацис 2002 – *Кацис Л.* Осип Мандельштам: мускус иудейства. М.; Иерусалим: Мосты культуры: Гешарим, 2002.
- Кацис 2015 – *Кацис Л.* Летопись жизни и творчества Мандельштама: от факта к вымыслу // Вопросы литературы. 2015. № 1. С. 126–160.
- Кацис 2018a – *Кацис Л.* Осип Мандельштам между «Вечерним Киевом» и ленинградским «Резцом» (1927–1929): О реальных источниках стихов и прозы поэта // Вопросы литературы. 2018. № 6 (Глава 4. «Вечерний Киев» 1928 года и «веревка давленника...»).
- Кацис 2018b – *Кацис Л.* Сизифу от «Камня» II, или Новые «Тристии» (к выходу в свет вторых изданий «Летописи жизни и творчества» и Полного собрания сочинений и писем О.Э. Мандельштама в 3 т.) // История. OSTKRAFT: Научное обозрение. М.: Модест Колеров, 2018. № 4. С. 111–150 [Электронный ресурс]. URL: http://ostkraft.ru/books/book78_1.pdf
- Кацис 2018c – *Кацис Л.* Заметки читателя (и писателя) историко-философской литературы. VIII (А, Б). Гибель «От попугая» и Гибель «От велосипедиста» в «Четвертой прозе» Осипа Мандельштама // История. Осткрафт: Научное обозрение. 2018. № 6. (www.ostkraft.ru).
- Кацис 2018d – *Кацис Л.* Почему «Египетская марка» О. Мандельштама «египетская» и почему «марка»? К построению не филателистического литературоведения на текстах о 1917–1918 гг. // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник. 2018 [14]. М.: Модест Колеров, 2018. С. 640–751.
- Краснобородько 2012 – *Краснобородько Т.* «Жаль кольца...» (невостребованный документ о судьбе пушкинского перстня – «талисмана») // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 2011 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. С. 5–29.
- Куликов, Авдеева 1997 – *Куликов Б., Авдеева О.* Забытый писатель: жизнь и книги Ивана Евдокимова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная

- и зарубежная литература. Реферативный журнал. Серия 7. Литературоведение. 1997. № 1. С. 126–139.
- Лекманов 2017a – *Лекманов О.* Благой Дмитрий Дмитриевич // Мандельштамовская энциклопедия: В 2 т. Т. 1. М.: Российская политическая энциклопедия, 2017. С. 124.
- Лекманов 2017b – *Лекманов О.* Есенин Сергей Александрович // Мандельштамовская энциклопедия: В 2 т. Т. 1. М.: Российская политическая энциклопедия, 2017. С. 239–240.
- Летопись 2014 – Летопись жизни и творчества О. Мандельштама / Сост. А. Мец (соавт. Витгоф Л. и др.). М.: Прогресс-Плеяда, 2014.
- Летопись 2018 – Летопись жизни и творчества С.А. Есенина: В 5 т. Т. 5: 1925 – середина 1926: В 2 кн. Кн. 2: 24 декабря 1925 – середина 1926: Справочные материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2018.
- Мец 2010 – *Мец А.* Комментарий // Мандельштам О. Полное собрание сочинений и писем: В 3 т. Т. 2: Проза. М.: Прогресс-Плеяда, 2010.
- Мец 2017 – *Мец А.* Комментарий // Мандельштам О. Полное собрание сочинений и писем: В 3 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 2: Проза. СПб.: Гиперион, 2017.
- Мец 2020 – *Мец А.* Вокруг доноса // Мец А. Тенишевское училище и другие работы об Осипе Мандельштаме и его времени. СПб.: Гиперион, 2020. С. 333–340.
- Нерлер 2015 – *Нерлер П.* Мандельштам и Эфрос: о превратностях нетворческих пересечений // Наше наследие. № 114. М., 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/11404.php>
- Никё 2017 – *Никё М.* Клычков С.А. // Мандельштамовская энциклопедия: В 2 т. Т. 1 / Гл. ред. П.М. Нерлер, О.А. Лекманов. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 290–291.
- Осипов 1949 – *Осипов Н.* Внутренняя эмиграция в СССР // Грани. Лимбург/Ланн, 1949. № 5.
- Ронен 2002 – *Ронен О.* О «русском голосе» Осипа Мандельштама // Ронен О. Поэтика Осипа Мандельштама. СПб.: Гиперион, 2002.
- Сегал 2006 – *Сегал Д.* «Сумерки свободы»: о некоторых темах русской ежедневной печати 1917–1918 гг. // Сегал Д. Литература как охранная грамота. М.: Водолей, 2006. С. 458–518.
- Спивак 2008 – *Спивак М.* О.Э. Мандельштам и П.Н. Зайцев (К вопросу об истории и прочтении стихотворного цикла «Памяти Андрея Белого») // «Сохрани мою речь...». Вып. 4/2. М.: РГГУ, 2008. С. 513–546.
- Соболев 2019 – *Соболев А.* Александр Маргулис // Венеция в русской поэзии: 1888–1972. Опыт антологии / [Сост. и комм.] Александр Соболев, Роман Тименчик. М.: Новое литературное обозрение, 2019.
- Сошкин 2007 – *Сошкин Е.* К пониманию стихотворения Мандельштама «Дайте Тютчеву стрекозу...» [Электронный ресурс]. URL: <http://textonly.ru/case/?article=16874&issue=21> (№ 21. 1/2007).
- Субботин 2018 – *Субботин С.* Иван Васильевич Евдокимов: из дневников и записных книжек // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. Кн. 3: Письма и дневники в русском литературном наследии XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 448–485.

- Сурат 2017 – *Сурат И.* Пушкин Александр Сергеевич // Мандельштамовская энциклопедия: В 2 т. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2017. С. 400–404.
- Тименчик 2019 – *Тименчик Р.* К биографии Осипа Мандельштама. 1937 год // Летняя школа по русской литературе. СПб., 2019(1). С. 92–106 [Электронный ресурс]. URL: <https://e.mail.ru/attachment/15635226401716437655/0;1?x-email=batya-94%40mail.ru>
- Шиндин 2018a – *Шиндин С.* «Печальну повесть сотворив...»: К выходу в свет «Мандельштамовской энциклопедии». Статья первая: А–Д // *Toronto Slavic Quarterly*. 2018. № 63 [Электронный ресурс]. URL: [http:// sites.utoronto.ca/tsq/63/Shindin63.pdf](http://sites.utoronto.ca/tsq/63/Shindin63.pdf). 2018.
- Шиндин 2018b – *Шиндин С.* «Печальну повесть сотворив...»: К выходу в свет «Мандельштамовской энциклопедии». Статья вторая: А–Д // *Toronto Slavic Quarterly*. 2018. № 64 [Электронный ресурс]. URL: http://sites.utoronto.ca/tsq/64/index_64.shtml
- Шиндин 2018c – *Шиндин С.* «Печальну повесть сотворив...»: К выходу в свет «Мандельштамовской энциклопедии». Статья третья: А–М // *Toronto Slavic Quarterly*. 2018. № 65 [Электронный ресурс]. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/65/Shindin65.pdf> 2018.
- Шиндин 2019 – *Шиндин С.* «Печальну повесть сотворив...»: К выходу в свет «Мандельштамовской энциклопедии». Статья четвертая: А–О // *Toronto Slavic Quarterly*. № 67–68. Spring 2019. P. 1–234.

References

- Chronicle of the life and work of S.A. Yesenin* (2018), in 5 vols., Vol. 5, 1925 – mid-1926, In 2 books. Book 2: December 24, 1925 – mid-1926. References, 2018 [Letopis' zhizni i tvorchestva S.A. Esenina v 5 t. T.5. 1925 – seredina 1926. V 2 kn. Kn. 2: 24 dekabrya 1925 – seredina 1926. Spravochnye materialy], IWL RAS, Moscow.
- Katsis, L. (1991), “Give Tyutchev a dragonfly ...” (From a commentary on a possible subtext), “*Sokhrani moyu rech'...*”: *Mandel'shtamovskii sbornik* [“Keep my speech safe...”. Mandelstam collection], Obnovlenie, Moscow, Russia, pp. 75–84.
- Katsis, L. (2002), *Osip Mandel'shtam: muskus iudeistva* [Osip Mandelstam. Musk of Judaism], Mosty kul'tury: Gesharim, Moscow/Jerusalem.
- Katsis, L. (2015), “Chronicle of the life and work of Mandelstam. From fact to fiction”, *Voprosy literatury*, no. 1, pp. 126–160.
- Katsis, L. (2018a), “Osip Mandelstam between ‘Evening Kiev’ and the Leningrad ‘Cutter’ (1927–1929). On the real sources of poetry and prose of the poet”, *Voprosy literatury*, no. 6 (Chapter 4. “Evening Kiev” of 1928 and the “strangle hold rope” ...).
- Katsis, L. (2018b), “To Sisyphus from ‘Stone’ II or the new ‘Tristias’ (to the publication of the second editions of the ‘Chronicle of the Life and Work’ and the Complete Works and Letters of O.E. Mandelstam in 3 volumes)”, *History. Scientific Review OSTKRAFT*, Modest Kolerov, no. 4, pp. 111–150 [Online], available at: http://ostkraft.ru/books/book78_1.pdf (Accessed 5 Jan. 2019).
- Katsis, L. (2018c), “Notes of reader (and writer) of the historical and philosophical literature. VIII (A, B). Fatality ‘From the parroting’ and the death ‘From the bike’

- in the 'Fourth prose' by Osip Mandelstam", *History. Scientific Review OSTKRAFT*, no. 6. Modest Kolerov, Moscow, Russia, pp. 129-145.
- Katsis, L. (2018d), "Why the 'Egyptian mark' by O. Mandelstam is 'Egyptian' and why it is the 'mark'?" To the construction of the non-philatelic literary criticism on the texts of 1917-1918], *Issledovaniya po istorii russkoi mysli. Ezhegodnik* [Research on the history of Russian thought. Yearbook], Modest Kolerov, Moscow, Russia, pp. 640-751.
- Krasnobrod'ko, T. (2012), "I pity for the ring ..." (unclaimed document about the fate of the Pushkin ring – the 'talisman')", *Ezhegodnik rukopisnogo otdela Pushkinskogo doma na 2011 god* [Yearbook of the manuscript department of the Pushkin House for 2011], Dmitrii Bulanin, Saint Petersburg, Russia, pp. 5-29.
- Kulikov, B. and Avdeeva, O. (1997), "Zabytyi pisatel': zhizn' i knigi Ivana Evdokimova" [Forgotten writer. The life and books of Ivan Evdokimov], *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Referativnyi zhurnal. Seriya 7. Literaturovedenie*, no. 1, pp. 126-139.
- Lekmanov, O. (2017a) "Blagoy Dmitry Dmitrievich", *Mandel'shtamovskaya entsiklopediya* [Mandelstam Encyclopedia] in 2 vols., Vol. 1, Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, Moscow, Russia, pp. 124.
- Lekmanov, O. (2017b), "Yesenin Sergey Aleksandrovich", *Mandel'shtamovskaya entsiklopediya* [Mandelstam Encyclopedia], in 2 vols., Vol. 1, Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, Moscow, Russia, pp. 239-240.
- Metz, A. (2010), "Commentaries", in Mandel'shtam O. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem v 3-kh t.* [Mandelstam O. Complete works and letters in 3 vols], vol. 2, Prose, Progress-Pleyada, Moscow, Russia.
- Metz, A. (2014), (Comp. by A. Metz with the participation of Vitgof L. et al.). *Letopis' zhizni i tvorchestva O. Mandel'shtama* [Chronicle of the life and work of O. Mandelstam], Progress-Pleyada, Moscow, Russia.
- Metz, A. (2017), "Commentaries", in Mandel'shtam O. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem v 3-kh t.* [Mandelstam O. Complete works and letters in 3 vols]. 2nd ed., rev. and add., vol. 2, Prose, Giperion, Saint Petersburg, Russia.
- Metz, A. (2020), "Around the delation" in Metz A. *Tenishevskoe uchilishche i drugie raboty ob Osipe Mandel'shtame i ego vremeni* [Tennishev school and other works about Osip Mandelstam and his time], Giperion, Saint Petersburg, pp. 333-340.
- Nerler, P. (2015), "Mandelstam and Efros. About the vicissitudes of non-creative intersections", *Nashe nasledie*, no. 114 (Online), available at: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/11404.php> (Accessed 25 August 2019).
- Nike, M. (2017), Klychkov S.A. *Mandel'shtamovskaya entsiklopediya* [Mandelstam Encyclopedia] in 2 vols. V. 1, P.M. Nerler, O.A. Lekmanov (ed. in ch.), Politicheskaya entsiklopediya, Moscow, Russia, pp. 290-291
- Osipov, N. (1949), "Internal emigration in the USSR", *Grani*, no. 5, pp. 80-89.
- Ronen, O. (2002), "About the 'Russian voice' of Osip Mandelstam", Ronen O. *Poetika Osipa Mandel'shtama* [Poetics of Osip Mandelstam], Giperion, Saint Petersburg.
- Segal D. "Twilight of Freedom". On some topics of the Russian daily press 1917–1918, Segal D. *Literature as a letter of protection*, Vodolei, Moscow, Russia, pp. 458-518.
- Shindin, S. (1918a), "'Pechal'nu povest' sotvoriv...': K vykhodu v svet 'Mandel'shtamovskoi entsiklopedii'" ["Having created a sad story ...": To the

- publication of the Mandelstam Encyclopedia], Article One: A–D, *Toronto Slavic Quarterly*, no. 63 (Online), available at: <http://sites.utoronto.ca/tsq/63/Shindin63.pdf>. 2018 (Accessed 25 August 2019).
- Shindin, S. (1918b), “‘Pechal’nu povest’ sotvoriv...’: K vykhodu v svet ‘Mandel’shtamovskoi entsiklopedii’ [“Having created a sad story ...”: To the publication of the Mandelstam Encyclopedia], Article Two: A–D, *Toronto Slavic Quarterly*, no. 64 [Online], available at: http://sites.utoronto.ca/tsq/64/index_64.shtml (Accessed 25 August 2019).
- Shindin, S. (1918c), “‘Pechal’nu povest’ sotvoriv...’: K vykhodu v svet ‘Mandel’shtamovskoi entsiklopedii’ [“Having created a sad story ...”: To the publication of the Mandelstam Encyclopedia], Article Three: A–M, *Toronto Slavic Quarterly*, no. 65 [Online], available at: <http://sites.utoronto.ca/tsq/65/Shindin65.pdf> 2018 (Accessed 25 August 2019).
- Shindin, S. (1919), “‘Pechal’nu povest’ sotvoriv...’: K vykhodu v svet ‘Mandel’shtamovskoi entsiklopedii’ [“Having created a sad story ...”: To the publication of the Mandelstam Encyclopedia]”, Article Four: A–O, *Toronto Slavic Quarterly*, no. 67-68, Spring, pp. 1-234.
- Spivak, M. (2008), “O.E. Mandelstam and P.N. Zaitsev (On the history and interpretation of the poem series “In memory of Andrei Bely”)”, *Sokhrani moyu rech’...»,* Iss. 4/2, RGGU, Moscow, Russia, pp. 513-546.
- Sobolev, A. (2019), Alexander Margulis, *Venetsiya v russkoi poezii. 1888–1972. Opyt antologii* [Venice in Russian poetry. 1888-1972. Anthology Experience]. Comp. and comm. by A. Sobolev, R. Timenchik, Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Soshkin, E. (2007), “To the understanding of Mandelstam’s poem ‘Give Tyutchev a dragonfly ...’”, available at: <http://textonly.ru/case/?article=16874&issue=21> (Accessed 12 August 2019).
- Subbotin, S. (2018), Ivan V. Evdokimov. From diaries and notebooks, *Tekstologicheskii vremennik. Russkaya literatura KhKh veka: Voprosy tekstologii i istochnikovedeniya. Kn. 3: Pis'ma i dnevniky v russkom literaturnom nasledii KhKh veka* [The textological chronicle. Russian literature of the twentieth century. Questions of textology and source study. Book. 3: Letters and diaries in the Russian literary heritage of the twentieth century], IMLI RAN, Moscow, Russia, pp. 448-485.
- Surat, I. (2017), Pushkin Alexander Sergeevich, Mandelstam Encyclopedia in 2 vol., V. 1., ROSSPEN, Moscow, pp. 400-404.
- Timenchik, R. (2019), “To the biography of Osip Mandelstam. 1937”, *Letnyaya shkola po russkoi literature* [Summer School of Russian Literature], Saint Petersburg, pp. 92-106 [Online], available at: <https://e.mail.ru/attachment/15635226401716437655/0;1?x-email=batya-94%40mail.ru> (Accessed 25 August 2019).
- Vitgof, L. (2016), “Kvartirnyi vopros”. Kak Osip Mandel’shtam zhil v Dome Gertsena (po arkhivnym materialam) [«Housing issue». How Osip Mandelstam lived in the Herzen House (based on archival materials)], *Kormanovskie chteniya: ctat’i i materialy Mezhvuzovskoi nauchnoi konferentsii* (Izhevsk, April, 2016), Vyp. 15, Udmurtskii universitet, Izhevsk [Korman Conference. Articles and materials of the Interuniversity Scientific Conference (Izhevsk, April, 2016) Ed. – comp. by D.I. Cherashnyaya. Iss. 15, Izhevsk, Russia, pp. 28-73.

Информация об авторе

Леонид Ф. Кацис, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; Vatya-94@mail.ru

Information about the author

Leonid F. Katsis, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; Vatya-94@mail.ru